

КРОКОДИЛ

Этот номер „Крокодила“ выходит в 3 изданиях: основном, ленинградском и урало-сибирском

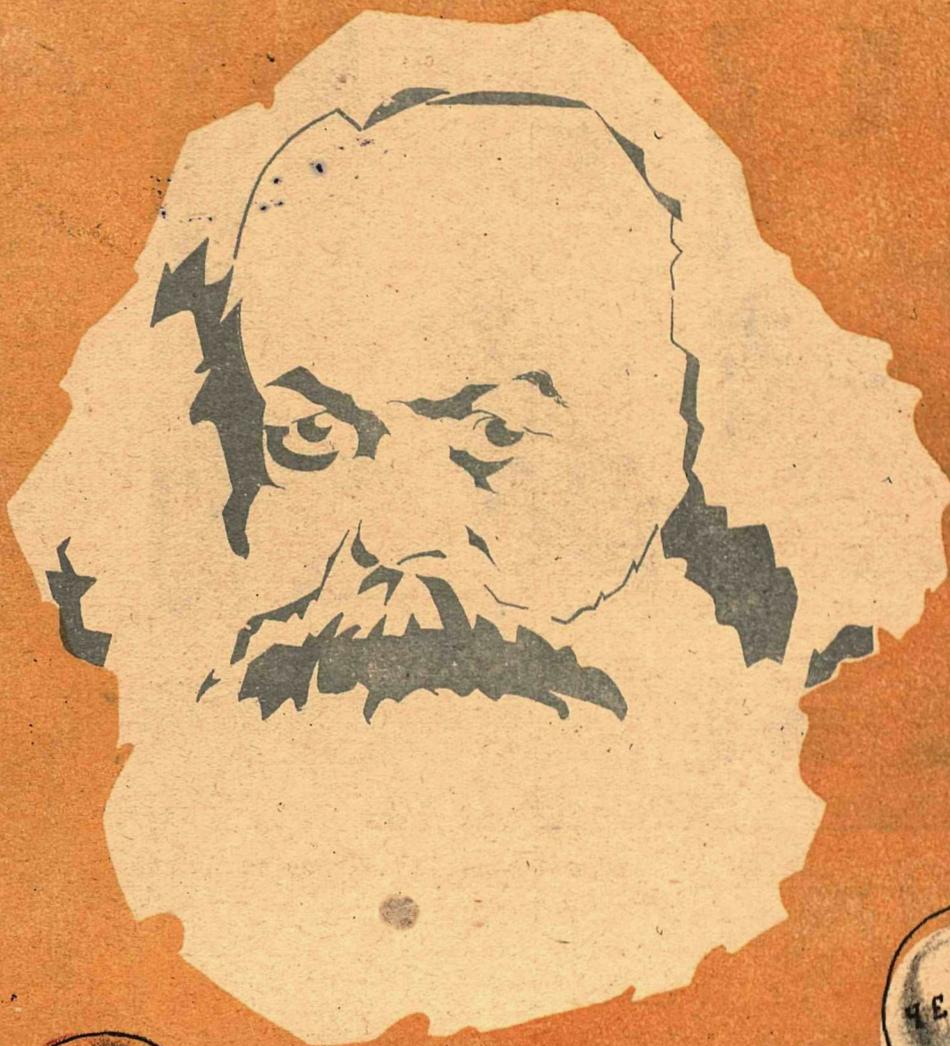
Цена 50 коп.

№ 29-30

Урало-Сибирское издание

ЧЕРЕЗ
БОЛЬШЕВИЗМ
КОМЧИТСЯ
ЧЕРЕЗ
1
МЕСЯЦ !!

Ю. Ганф

К ОСЕНИ
ИХ
НЕ БУДЕТ!!

ЧЕРЕЗ
1
ГОДА

КОНЕЦ
ЧЕРЕЗ
5
НЕДЕЛЬ

ЧЕРЕЗ 3
НЕДЕЛИ

КОНЕЦ
БОЛЬШЕВИЗМА
ЧЕРЕЗ 7
МЕСЯЦ

РУЛЬ
БОЛЬШЕВИЗМА
КАМ КАПУТ
ЧЕРЕЗ 2 НЕ
ДЕЛИ

ПРОШЛО 15 ЛЕТ

АВТОР „КАПИТАЛА“, ПРЕДВИДЕНИЯ КОТОРОГО ПОЛНОСТЬЮ ОПРАВДАЛИСЬ, И ВЛАДЕЛЬЦЫ КАПИТАЛА, КОТОРЫЕ ЖЕСТОКО ОШИБЛИСЬ.

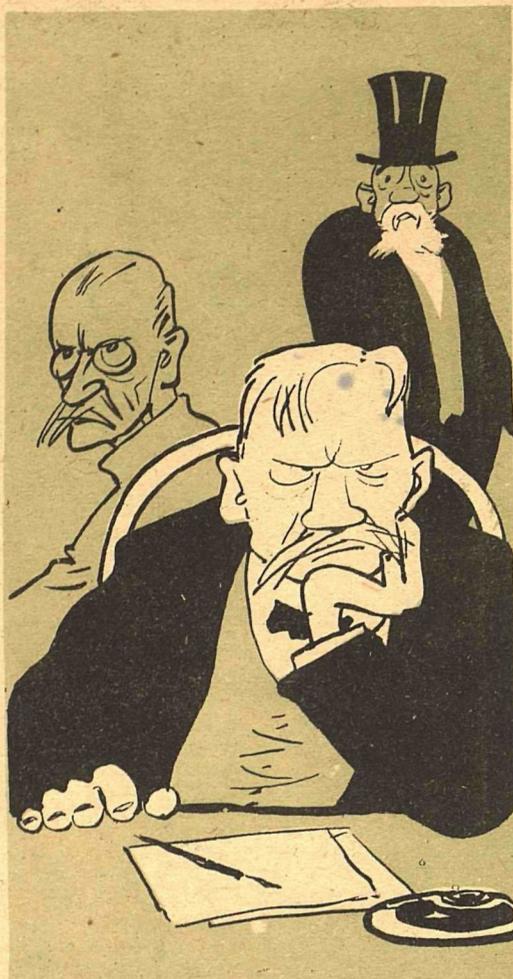
Ганф

К. Елисеев

1. ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ
ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ

„Им существовать две недели. Гнев великого народа сметет дерзких захватчиков!“

2. ЧЕРЕЗ ДВА ГОДА

„Месяца три — и все будет кончено. Великий народ...“ и т. д.

3. ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ

„Год-другой — и народ поймет...“ и т. д.

4. ЧЕРЕЗ 15 ЛЕТ

УГНЕТЕННАЯ НЕВИННОСТЬ

СБОР на демонстрацию Иван Петрович проспал и пошел догонять свою колонну в плохом настроении.

— Каждый год одно и то же. Околичавые ноги по булыжнику. Хорошо еще, что мостовые стали асфальтовые..

Колонна „Красной зари“ стояла уже на сборной площади, среди веселого шума и гама. Оркестры играли: кто марш, кто лезгинку. Хоровые кружки распевали с ожесточением „Эх, не даром“, „Дуню“. Барабанили пионеры, пронзительно пищали „уйди-уйди“.

— Какой беспорядок, — поморщился Иван Петрович, — неужели трудно все это организовать по-человечески?

— Вань, ты что опоздал?

— Ничего не опоздал. Все равно стоите без дела целый час.

— Да, минут двадцать стоим.

— Вот у нас всегда так. Пустяка организовать не могут. Я бы этих распорядителей взгрел, — по Первое мая не забыли бы.

Колонна двинулась в центр. Навстречу проехал грузовик с ребяташками. На грузовике был лозунг: „Наши родители выполнили на „Пролетарии“ 132% плана“.

— Ура! Ура! — кричали ребяташки.

— Ну, чего орут без толку, — рассердился Иван Петрович, — к чему эта похвальба? На празднике мы все равны.

— Где ж равны. У них 132, а у нас 59.

— Да брось ты, пожалуйста, свои цифры. Всюду тыкают в нос прорывом..

Улицы пылали флагами и транспарантами с диаграммами достижений.

— Красота! — восхищался сосед.

— Подумаешь — флаги. Вот в Японии, говорят, действительно умеют устраивать праздники. Никаких тебе цифр. Все с цветами, все в масках — не разберешь, кто отплясывает.

— Да, это нашим лодырям и прогульщикам было бы наруку..

За несколько кварталов до центра пошла встречная колонна.

Демонстранты несли целое сооружение из чучел. Поп, кулак, буржуй держали высоко на руках черную доску, на которой сидел лодырь с рогожным знаменем в руках. На знамени была надпись: „Наша радость и надежда“. В колонне пели злые частушки:

„Мой миленок стал шкуренок,
Влез на черную доску“.

— Ну, это уж свинство! — возмутился Иван Петрович. — Зачем же оскорблять и выражаться? Безобразно! Кому приятно видеть такое хамство.

Он старался не глядеть на фанерные карикатуры.

„Нашли чем украшать. Человек вышел на праздник, а ему тычут в морду...“

Вот и площадь с трибуной. Иван Петрович облегченно вздохнул.

С трибуны кто-то из иностранных товарищей крикнул:

— Да здравствует „Красна зара“.

— Ура! — ответила нестройно колонна.

К иностранному товарищу наклонился усатый военный и что-то сказал, улыбаясь.

„Наверно, про нас, — подумал Иван Петрович, — и тут 59 проц. Хоть бы в последний момент пропустили благополучно“.

Пройдя площадь, Иван Петрович вышел из колонны и урюмо направился домой.

„Весь праздник испортили. Прогульщик, лодырь, радость буржуазии, — прямо глаза намозолили!“

Дома он, хлебая щи, уставился в зеркало.

— А это что еще за прогульная морда? Тыфу, дьявол, — да это я!

После обеда лег на диван, взял Гоголя и раскрыл, где попало. В гоголевской переписке с друзьями он начал с фразы:

„О, как нам бывает нужна публичная, данная в виду всех, оплеуха...“

— А ну вас всех ко псам!

Иван Петрович бросил книгу на пол и накрыл голову подушкой.

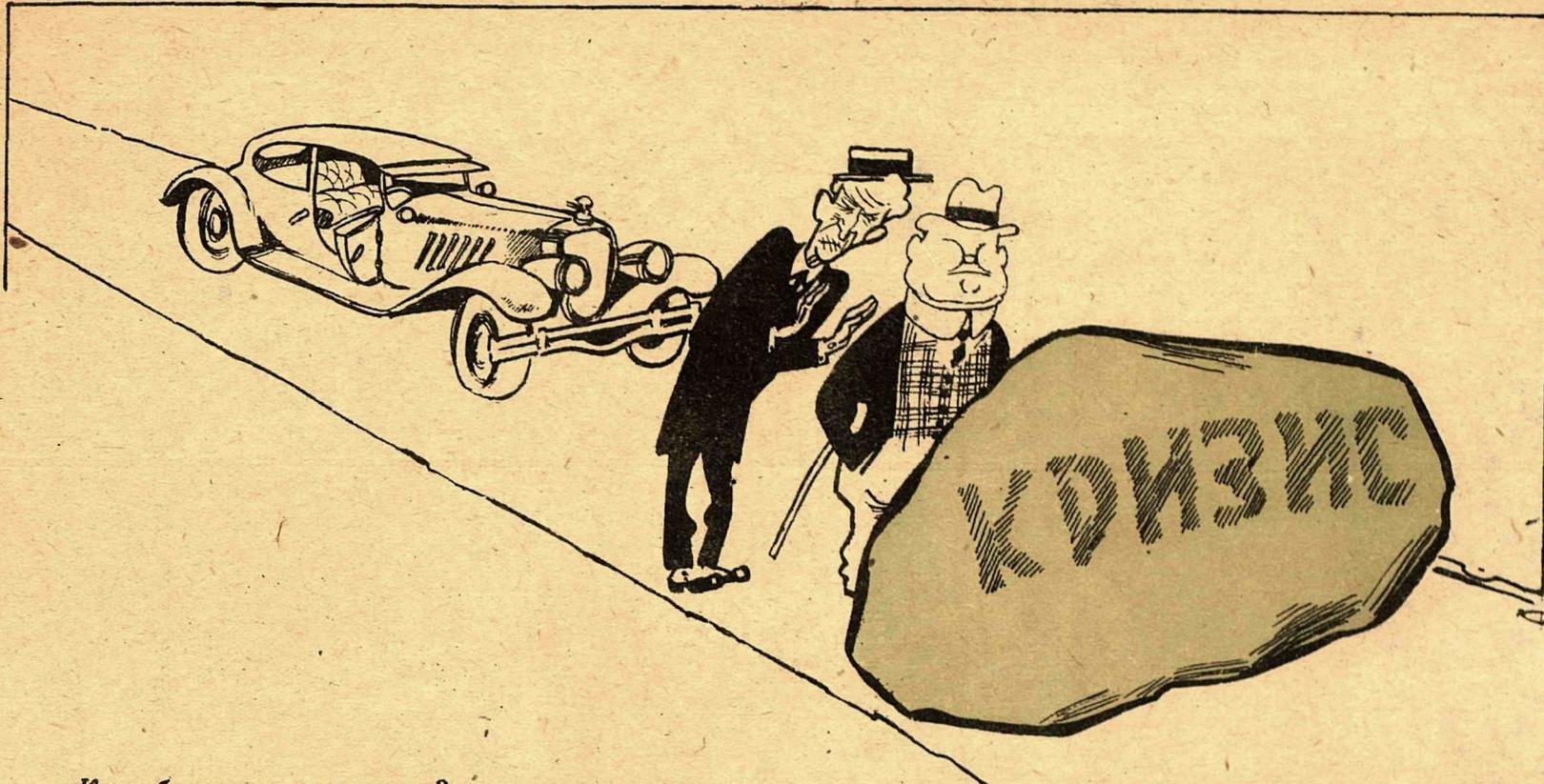
Б. Самсонов.

ДОСТОВЕРНОЕ СВЕДЕНИЕ

— Какой ужас, графиня... На пятнадцатом году революции эти варвары расстреляли мою тетку, старуху, 67 лет.

— Что вы говорите? Может ли это быть?

— Что же она мне врать в письме, что ли, станется? Или я почернела ее не знаю?

— Как убрать этот камешек?
 — А зачем возиться?.. Можно по рецепту Гувера написать на нем: „процветание“ — и все.

Стихотворение

Эдуард Багрицкого

Иллюстрация

С. Фикса

Песня о грядущем

С КАРПАТ на Украину
 Пришел солдат небритый,
 Его шинель в лохмотьях
 И сапоги разбиты.

Второй зовет ветер:
 — В моем краю широком
 Взлетели кверху сабли,
 Рванулась кровь потоком,

Зовет третий ветер:
 — Мой тихий край спокоен,
 Моя пшеница зреет,
 Мой тучный скот удоен,

Пропахший мглой ночлегов
 И горечью махорки,
 С георгиевской медалью
 На рваной гимнастерке.

Там рубят и гуляют,
 Ночуют под курганом,
 Иди ко мне — ты будешь
 Свободным атаманом.

Когда закроешь веки,
 Жена пойдет за гробом.
 Иди ко мне — ты будешь
 Достойным хлеборобом.

Он встал перед простором
 На брошенном погосте,
 Четыре ветра кличут
 К себе солдата в гости.

Кричит четвертый ветер:
 — В моем краю пустынном
 Одни лишь пули свищут
 Над брошенным овином,

Зовет первый ветер:
 — В моем краю хоромы,
 Еда в стеклянных бочках,
 В больших машинах громы.

Копытом хлеб потоптан,
 Нет крова и нет пищи.
 Иди ко мне — здесь братья
 Освобождают нищих.

Горит вино в стаканах,
 Клубится пар над блюдом,
 Иди — ты будешь главным
 Над подневольным людом.

Солдат берет винтовку
 И разминает плечи...
 Вперед, за ветром братьев —
 Победа недалече!

К. Елисеев

ПИОНЕР:—Папа! Говорят, на этом месте был какой-то старый дом?
 ОТЕЦ:—Да, очень старый. Ему было триста лет и назывался он Дом Романовых.

ПАНОПТИКУМ

КРИЗИС И СВИСТ

Достопочтенный отец Рейснер, пастор нью-Йоркской церкви, посоветовавшись с господом, нашел новый рецепт спасения от кризиса: „Кризис происходит потому, — заявил Рейснер, — что у публики нет доверия к банкам. А доверия нет оттого, что у публики мрачно настроение“.

И преподобный папаша дает рецепт: „В церквах нужно не петь гимны, а свистеть. И все будет „олл-райт“.“
 Говорят, что если англичанка захочет быть безобразной, она ни перед чем не остановится.
 Если капиталисту хочется вернуться к „процветанию“, он также редко перед чем остановится.

Америка начала свистеть в церквах. Но кризис пока от этого не уменьшился.
 ДИПЛОМАТ И ЛОДОЧНИК
 Некий европейский дипломат катался в лодке по Женевскому озеру.
 — Позвольте узнать, уважаемый господин, — спросил его лодочник, — чем вы занимаетесь?

— Я, милый мой, работаю уже 12 лет на конференции по разоружению, — с гордостью и достоинством ответил дипломат.
 — Ай-ай, нехорошо, барин, — покачал головой лодочник. — Делом заниматься надо.
 Чем оный дипломат весьма сконфужен был.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛАПУТУ

РЕДАКТОР сказал мне:

— Мы ничего не знаем о стране Лапута, кроме того, что рассказал о ней Джонатан Свифт в своей книге «Путешествия Гулливера» больше двухсот лет назад. Так как нашим читателям неинтересно было бы узнать

об изменениях, которые произошли в Лапуде за это время, вам придется сегодня же уложить свой чемодан и отправиться туда. Вы должны будете установить, продолжает ли великая Лапутянская Академия свою работу над превращением экскрементов в те питательные вещества, из которых они образовались, попрежнему ли изучают там математику путем проглатывания свернутых в пилюли формул и теорем, удалась ли, наконец, лапутянским алхимикам пережечь лед в порошок... Короче говоря, тщательно ознакомьтесь с положением вещей в Лапуде и возвращайтесь домой. Счастливого пути!

Весть о моей командировке быстро облетела редакцию. Сотрудники поздравляли меня с ответственным поручением.

— Лапута? А где собственно находится эта страна? — нестати вмешался старший корректор, которого профессия сделала скептиком и пессимистом.

Но на этот вопрос никто не взялся ответить.

Карта, приложенная к книге Свифта, явно устарела и мало нам помогла. Большая советская энциклопедия до нужной буквы предполагала добраться только через два с половиной года. В справочном бюро нам ответили, но как всегда, очень невразумительно, туманно и общо.

Окончательно расстроившись, я забился в дальний угол и мрачно уткнулся в газету. Сотрудники, поглядывая в мою сторону, перешептывались, сочувственно покачивая головами.

— Ура! Я нашел Лапуту! — торжествующе проревел я через минуту. Меня обступили со всех сторон и, снисходя к любопытству аудитории, я прочел вслух следующую выдержку из газеты:

«Профессор физики Оливер Лодж сообщил сотруднику «Дейли Экспресс» о том, что он регулярно ведет беседы со своим сыном, убитым в 1915 году на фронте. Покойный сообщает своему папаше много любопытных сведений о потустороннем мире. Там, оказывается, существуют улицы, каменные дома, растут деревья и цветы. Вновь прибывающим покойником предлагают на том свете виски с содой и все, что им угодно, особенно если эти жертвы удостоились смерти в бою. — Некоторые думают, что я спятил с ума, — осторожно отмечает профессор Лодж, — а между тем все это очень просто: наука доказывает...»

— Клянусь, что это мог сказать только лапутянский академик! Вот где Лапута! — резюмировал я общее мнение и, подойдя к карте, ткнул пальцем в местность, расположенную на северо-запад от нашей страны.

Через три дня я уже был в Лапуде.

★

Чужестранца, впервые попавшего в Лапуту, больше всего поражает то, что у всех тамошних жителей какой-то закопченный вид. Это неудивительно, ибо с лапутянского неба, покрытого смрадными клубами черного дыма, непрерывно падают хлопья сажи.

Этой копотью гордятся, как символом процветания страны, ибо в Лапуде всего так много, что от излишков не знают как избавиться, и пищевые припасы, например, вынуждены просто сжигать.

Избыток жизненных благ приводит к тому, что большинству населения уже не приходится работать, и оно от нечего делать без всяких хлопот вымирает с голоду. Это, по мнению мудрых правителей Лапуты, является лишним доказательством общего благоденствия.

Чтобы сохранить свою цивилизацию на высоте, лапутяне издают много чрезвычайно оригинальных законов.

Однажды на улице мне пришлось быть свидетелем, как пята человек, одетых в белые беличьи халаты и вооруженных резновыми дубинками и громадными шприцами, преследовали удиравшего во все лопатки человека.

Я обратился к случайному прохожему:

— По всей вероятности, этот человек убийца или грабитель. Он, наверное, очень опасен для общества...

— Вы почти правы, — любезно отозвался лапутянин, — этот человек одержим страстью к изобретательству и новым идеям, что крайне опасно для нашей совершенной цивилизации. Для подобных субъектов у нас существует закон, согласно которому их надлежит подвергать операции выкачивания мозгов. Такая операция делает этих безумцев абсолютно безвредными. Мысль эту подал небезызвестный Жорж Дюамель, которого французы напрасно считают своим писателем: он чистокровный лапутянин! Мое любопытство было удовлетворено.

Вообще, нравы и быт этой страны отличаются, как и во времена Свифта, чрезвычайным своеобразием, но так как на этот раз моей темой является великая Лапутянская Академия, я, чтоб не терять времени напрасно, перейду прямо к описанию этого достопримечательного учреждения.

В сопровождении ученого секретаря я отправился бродить по бесконечным коридорам Академии.

Первый отдел, который мы посетили, носил жизнерадостное наименование Сектора Регулирования Самоубийств. Статистики, работающие над этой задачей, с удовлетворением сообщили мне, что в связи с ростом общего благополучия в Лапуде растет и число самоубийств.

Но как ни странно, этой демократической игрой начинают увлекаться и такие воротилы, как Ивар Крейгер и ростовщик Луи Перроке, обожравшийся недавно векселями и кредитными билетами.

Это неожиданное обстоятельство крайне смущает академиков.

— Подумайте, — волновался статистик, — к чему это может привести. Ведь этак у нас скоро ни одного солидного делового человека не останется.

Перейдя в следующее помещение, мы с трудом разыскали там, среди множества диковинных механизмов, обросшего волосами ученого. Зарывшись в цифры и формулы, он уже долгие годы самоотверженно решал проблему понижения производительности труда.

Все попытки кончились неудачей, пока ему не пришло в голову использовать обратный ход машин. Теперь он был занят техническими деталями своего способа переработки готовой продукции обратно в сырье.

— Правда, — стыдливо признался ученый, этим еще больше осложняется положение с сырьем, которое и так девать некуда, но это дело уже не моей компетенции.

Аналогичную работу, но уже над продуктами питания, продельвал в соседней лаборатории ученый химик. Задачи этой науки со времени Свифта значительно усложнились, и если тогда искали способа превращения испражнений обратно в пищу, то теперь пытаются химической переработкой превращать излишки

продуктов питания непосредственно в экскременты.

Когда я неосторожно предложил более простой и дешевый способ добиться цели, пропуская пищу через желудки безработных лапутян, ученый с презрением отверг этот способ, найдя его ненаучным, и очень холодно распростился со мной...

Нужно отметить, что Лапута переживала за последнее время тяжелый кризис от избытка незаметно расплодившихся ученых, которым, благодаря небывалому процветанию и общему благополучию, негде было применять свои знания.

Закрывание учебных заведений, уничтожение научных книг, уголовное преследование злоумышленников, пытавшихся тайком продолжать обучение молодежи, легкомысленно стремящейся к знанию, принесли мало пользы.

Сектор Деквалификации, куда мы теперь попали, и занимается практической разработкой хитроумного способа разучивать неосторожно обученных лапутян. Способ заключается в следующем: все ученые, изучившие ту или иную науку, вызубривают теперь те же самые книги заново, но уже сзади наперед.

Через некоторое время подобной дрессировки ученые заметно тупеют и уже не представляют прежней опасности для общества. Было подмечено, что бывшие хирурги после этого довольно сносно справляются с хлопотливыми обязанностями ассенизаторов, а переобученные архитекторы проявляют странную склонность лаять на луну.

Наиболее отрадное впечатление оставляет Факультет Исторических Предопределений. Здесь ученые с необычайной настойчивостью и усердием пекутся о чистоте социал-демократических идеалов.

Когда мы вошли в залу, где за длинным столом восседали седовласые академики, я услышал мерное старческое похрапывание. Спутник тотчас же рассеял мое недоумение, пояснив, что так как трудолюбивые ученые уже давно разрешили все вопросы, договорившись о неизбежности гибели капитализма, который (всему свое время) понемногу вращает в социализм, то они пользуются теперь вполне заслуженным отдыхом.

Полюбовавшись этим умирительным зрелищем, мы стараясь не шуметь, на цыпочках удалились.

Направляясь к выходу, я разглядел в глубине одного из коридоров Академии тяжелую бронированную дверь, из-за которой доносилось приглушенное журжание. Заинтересовавшись надписью, которая указывала, что здесь находится лаборатория Секции Улаживания Международных Конфликтов, я обратился к ученому секретарю:

— Мне думается, что вы достигли в этой области больших успехов. Я представляю вашу армию, вооруженную луками и пиками. Ваши солдаты, наверное, искусно обращаются с пращами и бумерангами. Нужно признать, что вы поступаете совершенно разумно, отказываясь от этой пресловутой новой техники как в мирных, так и в военных отраслях своей промышленности. Я хотел бы ознакомиться...

Но мой спутник, двусмысленно улыбувшись, остановил меня: наше вторжение помешало бы деликатной работе Секции. Сославшись на свою усталость, ученый секретарь повел меня обратно. Но едва мы прошли несколько шагов, как сзади раздался страшный грохот, запахло порохом, что-то с силой подкинуло меня вверх, и я ударился затылком о потолок...

Когда я очнулся в какой-то незнакомой комнате, забинтованный с головы до ног, ученый секретарь, стонавший на соседней койке, объяснил мне все. Причиной происшедшей катастрофы послужили неудачные опыты со взрывчатым веществом необычайной разрушительной силы, которое должно раз навсегда обезпечить добрососедские отношения Лапуты с ее многочисленными врагами.

На этом закончилось мое знакомство с великой Лапутянской Академией.

Амир Галев.

Иллюстрация К. Ромола

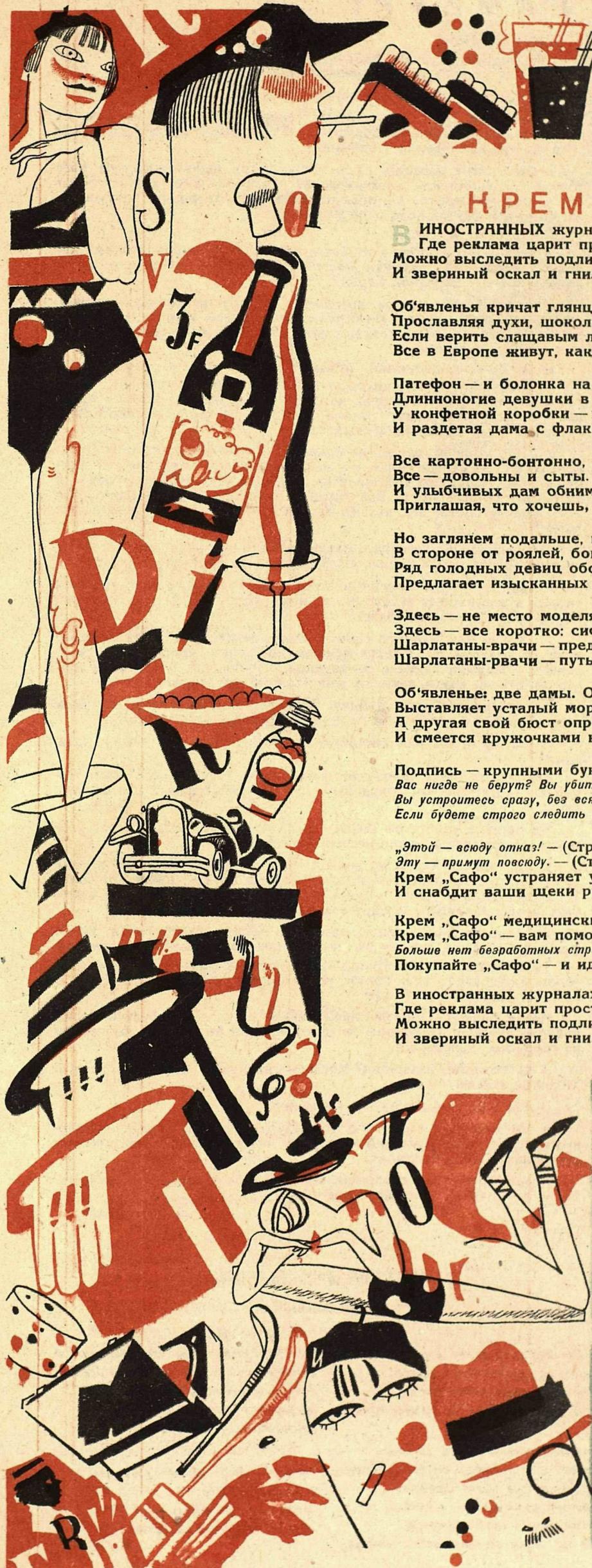

В СУЕТЕ ПАРИЖА

— Читали, ваше превосходительство, они Днепрогэс пустили!..

— Мне сейчас не до этих мелочей, — мне бы франков пять на обед достать!

КРЕМ „САФО“

В ИНОСТРАННЫХ журналах, на задних страницах,
Где реклама царит проститутски пестро,
Можно выследить подлинный лик заграницы:
И звериный оскал и гнилое нутро.

★
Объявленья кричат глянцевиной вельню,
Прославляя духи, шоколад и вино,
Если верить сладшавым листам объявлений, —
Все в Европе живут, как герои кино.

★
Патефон — и болонка на мягкой козетке,
Длинноногие девушки в скользких чулках,
У конфетной коробки — конфетные детки
И раздетая дама с флаконом в руках.

★
Все картонно-бонтонно, пикантно и чинно.
Все — довольны и сыты. Кругом — благодать,
И улыбчивых дам обнимают мужчины,
Приглашая, что хочешь, купить и продать.

★
Но заглянем подальше, где скромным петитом,
В стороне от роялей, бокалов и роз,
Ряд голодных девиц обожателям сытым
Предлагает изысканных радостей воз.

★
Здесь — не место моделям Пакэна и Ворта,
Здесь — все коротко: сифилис, голод, разврат...
Шарлатаны-врачи — предлагают аборт,
Шарлатаны-рвачи — путь к богатству сулят.

★
Объявленья: две дамы. Одна некрасиво
Выставляет усталый морщинистый фас,
А другая свой бюст оправляет игриво
И смеется кружочками кукольных глаз.

★
Подпись — крупными буквами: „ВЫ — БЕЗ РАБОТЫ?
Вас нигде не берут? Вы убиты судьбой?
Вы устроитесь сразу, без всякой заботы,
Если будете строго следить за собой“.

★
„Этой — всюду отказ! — (Стрелка к первой картинке).
Эту — примут повсюду. — (Стрела — ко второй).
Крем „Сафо“ устраняет угри и морщинки
И снабдит ваши щеки румяной игрой.

★
Крем „Сафо“ медицинским патентом увенчан!
Крем „Сафо“ — вам поможет безбедно прожить!
Больше нет безработных страдающих женщин!
Покупайте „Сафо“ — и идите служить...“

★
В иностранных журналах, на задних страницах,
Где реклама царит проститутски пестро,
Можно выследить подлинный лик заграницы:
И звериный оскал и гнилое нутро.

Вас. Лебедев-Нумач.

ПИСЬМО В ГАМБУРГ

ЭТО БЫЛО, когда наш промфинплан только лишь завязывал дружбу с молодой советской индустрией.

В двадцать пятом году к нам, в Страну советов, приехала из Германии первая рабочая делегация.

И из Москвы, разбившись на группы, немецкие товарищи поехали по нашим краям, губерниям и областям.

С ними мы, советские „сайтунгс менши“ — журналисты, колесили около месяца по горнорудному Уралу в нашем автономном поезде, с паровозом-маневрушкой.

Мы спускались в черные штольни кизелкопей. Взирались на площадки старушек-домен. Катались на „новом ковчеге“ по Тагильскому озеру. Из высокой трубы ковчег сажа валила помелом. И к концу катанья все на судне выглядели кочегарами.

Всю ночь перед приездом делегации поливали в Златоусте из пожарных бочек дорогу от станции до города, но наутро затеплилось солнышко, и благодатная пыль поднялась завесой навстречу гостям.

— Майн гот!

— Майн либер гот! — бормотали делегаты.

Но со всей товарищеской откровенностью им показывали наше, еще не изжитое в те годы наследие прошлого.

— Вот, геноссе Хиллигес, — добродушно говорили сопровождающие, — мы можем вам показать наших довоенных прусачков. Не угодно ли заглянуть в этот тараканий закуточек?

И геноссе Хиллигес испуганно отстранялся:

— О... о... Но ведь здесь целое стадо этих... ужасных... животных!..

Товарищи Пипер, Торн и Лейман после первой же ночи в гостинице перебрались обратно в вагон.

— Понимаете, геноссен! — говорили они нашим, — эти маленькие, эти круглые, эти злые собаки!..

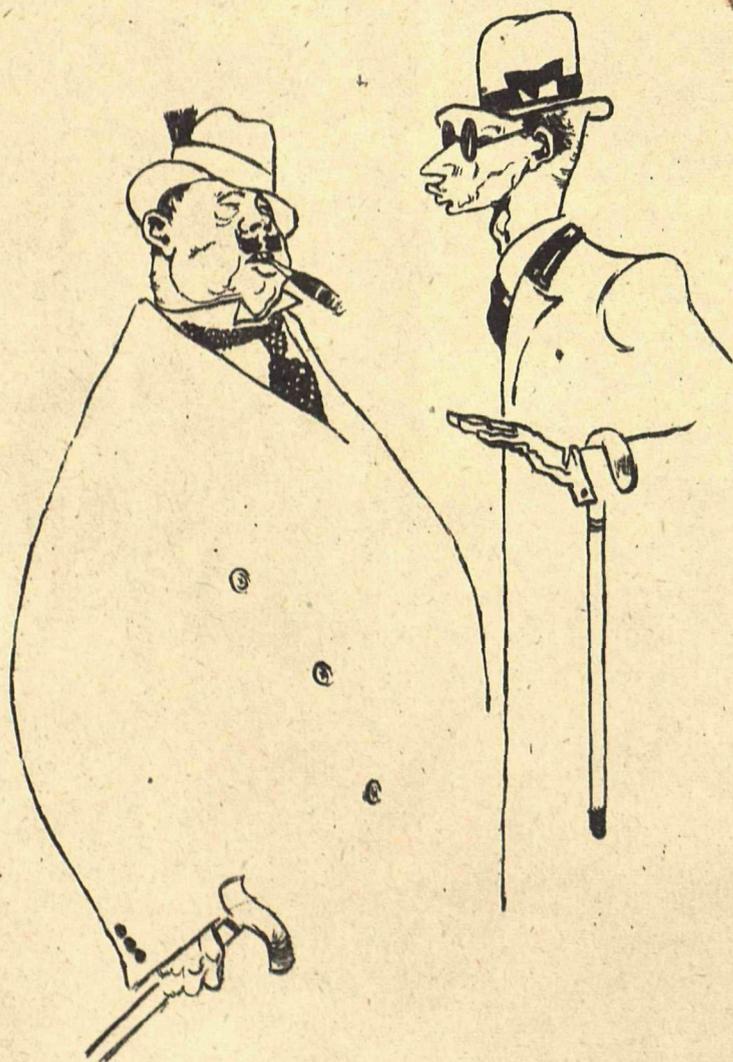
— А... это вы о клопах? — понимающе улыбались наши. — Да, товарищи, клоп — это то проклятое наследие проклятого царизма, которое...

И все же немецкие товарищи сумели увидеть под этой грубой корой самое главное. Они сказали русским рабочим через переводчиков.

„Нам говорили, что когда мы приедем в заводские города и будем осматривать рабочие жилища, то все напоказ подчистится. Эту ложь мы рассеем по приезде в Германию“.

СРЕДИ СОЦИАЛ - ФАШИСТОВ

М. Храпковский

— Вы ж говорили, что будете крыть хозяина, а сами защищали?

В — Его крыли до меня какие-то рабочие, а я не люблю повторяться.

Они сказали:

„Мы видели энтузиазм рабочих. И видели также, как везде у вас проявляется твердая воля — преодолевать и восстанавливать!“

А русские рабочие через переводчика отвечали:

„Правильно. Это в наших руках. Теперь обратно, спросите-ка их за Гинденбурга? Почему допустили эту крайность! Спросите-ка их: „Что же это вы, товарищи немцы?“

.. Было это в двадцать пятом году, когда наша индустрия еще только познакомилась с механизацией и коммунальное хозяйство наших городов походило на подвагонного беспризорника, кочующего из Москвы в Севастополь и обратно.

Прошло это время.

В тридцатом, а затем в тридцать первом году двумя рейсами на новых теплоходах ударники нашей возмужавшей промышленности поехали вокруг Западной Европы.

Они ехали из страны возросших, благоустраиваемых городов, новых рабочих корпусов, гигантских домен новой задувки, механизированных нефтьвышек, магнитостроев, мощных электростанций, новых путей и водоемов.

И вот, взятые щелоткой, отрывки из гамбургских впечатлений:

...Идем по рабочему кварталу. Окна с выбитыми стеклами. Постройки так ветхи, местами крен на улицу так велик, что кажется будто вверху расстояние между домами поперек улицы — три шага. Итти по такой улице довольно жутковато“.

... „Под каждым окном деревянные кронштейны с натянутыми веревками для сушки белья, так как прачечных и чердаков нет. Стирают дома, сушат под окнами, а на чердаках живут. Солнце сюда не доходит... Вечный мрак. Квартирка из крошечных комнатшек. Пол весь кривой, гнется под ногами от ветхости... В комнатах хозяйничает ветер“.

Так живешь ты сегодня, геноссе немецкий пролетарий, если ты еще на работе, не обнищал и тебя еще не выбросили из квартиры.

А твой классовый враг? Как живут эти — с мерцающим огрызком сигары в платиновых зубах? Эти жирные медамы? Их дети, увидевшие мир сквозь заплывшие глазки?

... „Мы видели залитые светом улицы, вертящиеся рекламы, зазывающие вывески. Мы видели витрины шикарных магазинов с манекенами и живыми людьми, заменяющими манекены. Здесь было все, что придумали наука, техника, кулинария и гастрономия“.

Да, товарищи Пипер, Лейман, Торн! Вас испугал в двадцать пятом году российский клоп — эта маленькая, круглая, злая собака?

А что вы сделали со своими большими, круглыми, злыми собаками?

Эта худшая часть человечества занимает у вас лучшую часть городов. Ваши рабочие окраины — это мусорные ящики для богатых улиц.

На богатых улицах по ночам — ослепительный свет, а у вас, бедняков, тлеют слепые керосиновые мигалки!

И ты, геноссе Хиллигес, хочешь утопить свою тоску в кружке пива. Ты по старой памяти любишь добрую кружку пенистого пива, Ты в состоянии осушить и три кружки. Но твоего состояния не хватает, чтобы заплатить за одну кружку пива.

Ты, геноссе Торн, ходишь весь день пешком, хотя город заполнен автомобилями, потому что у тебя нет денег даже на трамвай.

Ты можешь, геноссе Пипер, иметь жалкую фанерную каморку за городом. Но лишь при одном условии тебе это разрешат: если у тебя есть квартира в городе!

Но за каким же чортом тебе, безработному, понадобилась бы эта дрянная каморка из фанеры за городом, если бы тебя не выбросили из городской квартиры?!

... Вы помните, товарищи? Когда мы вернулись в Москву, делегат Хиллигес сказал:

— Ну, а откуда домой — в Германию!

— Ты хочешь сказать — на чужбину? — поправил его Гирндт, прекрасный товарищ, немецкий коммунист, пропитанный романтическим духом партийного подполья.

Алло! Зарубежные товарищи! Вы все еще живете на чужбине? Вы еще не сделали ее своей родиной?!

Л. Митницкий.

ЗАМЕРЗШИЕ ЛИТ-МАЛЬЧИКИ

(В порядке самокритики)

1
— Ну, чем сегодня мне блеснуть? —
Сознал он муз парадный пленум...
Но тема значет, точно ртуть...
— Ну, чем же... чем бы... Чемберленом?!

2
Его рассказ читать нам не споровой, —
Сюжет, как порослячий студень, хлипкий:
„Проснулся раз бывлой геродовой,
И расплылось лицо его в улыбку.
Увидел сквозь окошко фарвар,
Как под окном стоит уятый пристае,

И блесн его новешенных погон
Был серебрист и даже аметистов...“
Вы на шестой строке шеврлете расемаз,
Ясна нонцовми немудрящая наемна;
На улице, конечно, в этот час
Происходила... кино'емка!

3
Строча свой фельетон тридцатый
О буржуа и Ноябре,
Опять торгует он цитатой:
„Стоял ноябрь уж на дворе“.

В. Гранов.

ВЗГРОМОЖДАЯСЯ на трибуны,
Чтобы было его повидней,
В восемнадцатом бодро и юно
Колотил себя в грудь Евстигней.

Клокотала в душе его лава,
Не простая та лава была:
Огневая, кипучая слава
Евстигней на митингах жгла.

Незадачливый был он оратор,
Но упорство в себе не гасил,
И речами людей колашматил
До потери сознания и сил.

Залезал он в слова, словно в тесто,
И руками махал высоко, —
От его исторических жестов
Прокисало в горшках молоко...

Отшумели горячие вихри,
Времена наступили скромней,
Митинговые бури утикли,
Но не стих огневой Евстигней.

Увлечлись ребята наукой,
Окунулись по шею в дела,
Но такой прозаической штукой
Не прельстишь Евстигней-орла!

Что ему комбинаты, колхозы...
Евстигней обойдется и без —
Попадай ему пышные грозы
И трибуну до самых небес!

На затылок откинувши кепку,
Евстигней, досягатель вершин,
Митингует по старому крепко
В годовщины и без годовщин.

Поокончили вузы и втузы
Все друзья Евстигней почти,
Все сумели в Советском союзе
По уму себе дело найти.

Те слабее, а те посильнее,
Этот — техник, а тот — инженер,
Только нету вот для Евстигней
„Подходящих делов“ в СССР!

Что ж поделаешь с чудаками,
Даже в нашей великой стране
За пятнадцать годов лишь руками
Научился махать Евстигней!..

Павел Дружинин.

ЮМОР КРИЗИСА

(Из иностранных журналов)

СЕРДОБОЛЬНЫЙ

— Боже! Здесь почти все дети бегают без сапог! Это ужасно! Я не могу этого видеть!

— Вы, вероятно, пришли от какого-нибудь благотворительного общества?

— Нет. Просто у меня обувной магазин.

ОШЕЛОМЛЯЮЩИЙ ПОДАРОК

— Я поразил свою жену! В день рождения я купил ей плитку шоколада.

— Что же тут поразительного?

— Она ждала нового пальто.

БАНКРОТ

— Папа, кто такой банкрот?

— Банкрот — это человек, который кладет все деньги в брючный карман, а пиджак дает описывать за долги.

БАНКИР: — Теперь я понимаю: надо было делать револьверы. На них поупателъ всегда найдется...

ПО ДУШАМ

БЫЛО ШУМНО и весело. После первой рюмки говорили вообще. После второй беседовали на тему. После третьей — языки начали вращаться на шарикоподшипниках. После седьмой — разговор пошел „по душам“.

Упитанный, плотный мужчина, с седеющей шевелюрой бобриком, завел патефон. Из рупора вырвалось приятное контральто:

„Зачем я влюбился в тебя, дорогая...“

Упитанный мужчина присел к столику, вздохнул и, обращаясь к молодому человеку, с грустью покачал головой.

— Эх, молодой человек, посмотрю я на вас, на нынешнюю молодежь, и грустно становится на душе!

— Почему? — спросил молодой человек.

— Скучно вы живете, юноша, вроде как мочалку жуете. Вот радуетесь вы сегодня. А чему вы радуетесь? Разве ж это жизнь? То ли дело, — как мы раньше жили. Вот это была жизнь. Теплая жизнь. Уютная. Возьмите хотя бы меня. Кончил я институт, женился на состоятельной женщине, получил в приданое тыщонку тридцать, дом на Зацепе. И потекла у меня жизнь, как в эмпиреях.

Квартирка из шести комнат, в гостиной плюшевая мебель, зеркала. Выезд собственный на дутиках, кучер этаким Бенвенуто Челлини, лакированный. Рывкнет бывало: „Пади, берегись!“ Лев! Форменный лев!

Кушали тоже не в нарпитах. Икра, балычок, драгомировский форшмак!

Вечером пойдешь в какую-нибудь этакую оперетку или фарс посмотришь. Вот была жизнь!..

— М-да! — неопределенно произнес собеседник.

Человек с бобриком продолжал:

— И вы не подумайте, уважаемый, что мы только о брюхе помышляли. Ничего подобного. Мы ведь и об интересах, так сказать, „меньшего страдающего брата“ думали. Либералами были. Я вот состоял почетным членом общества служащих и официантов трактирного промысла, на газету „Речь“ подписывался, на революцию жертвовал. Да-с. Шли, так сказать, в уровень с запросами. Страдали, боролись и жили, жили полной жизнью!

А вы что? Вы вот, простите меня, даже с прибором столовым не научились управляться. Рыбу ножом режете. Вечер торжественный, а вы в рыжих сапогах пришли. И рубашка у вас мятая. В чем смысл и интерес вашей жизни? Не пойму. Откровенно скажу вам, не пойму!

Молодой человек неожиданно улыбнулся и спросил человека с бобриком:

— А скажите, гражданин, вы по какой специальности работаете?

— По специальности я строитель, — но теперь, видите ли, служу в тресте плановиком.

— Так. Ну, а во время своей незабвенной, роскошной жизни что вы сделали? Что выстроили?

— Гм, как то-есть, что выстроил? Ну, у меня была строительная контора.

— Я понимаю, но что вы сделали? Что вы создали? О чем вы можете с гордостью вспомнить сейчас, на склоне жизни?

Гражданин с бобриком поперхнулся.

— Странный вопрос. Ну, я строил дачи. Выстроил несколько домов в стиле рококо. Наконец создал однажды общественный усовершенствованный городской клозет на площади. Да, вот именно. Крупная стройка!

— Вот видите, — усмехнулся молодой человек, — гвоздь вашего творчества — усовершенствованный клозет. А я вот, уважаемый, за двадцать восемь лет своей советской жизни выстроил два завода по 50 миллионов рублей каждый, провел оросительную систему в Узбекистане, то-есть отвоевал у пустыни плодородную землю, обогатил целое поколение людей, а сейчас, после годовщины, еду на Волгострой работать. Допускаю, что я плохо научился владеть вилкой, но зато я научился, как надо строить счастье человечества. И откровенно говоря, эта ваша бывшая, роскошная жизнь кажется мне сплошным свинством. Извините!

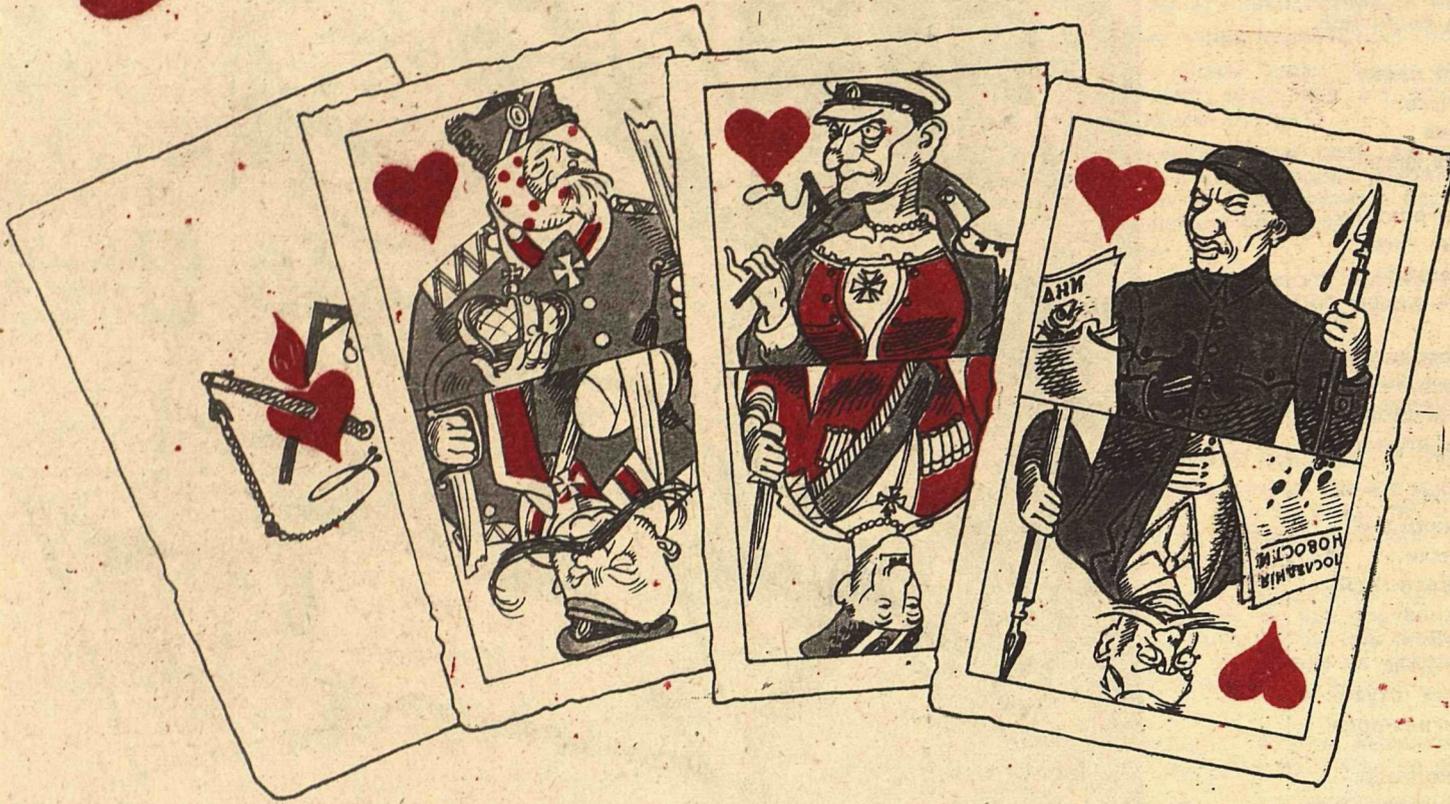
Молодой человек сердито отвернулся и воткнул нож в рыбу.

Человек с бобриком недоумевающе пожал плечами, подошел к патефону, порывшись в пластинках и из рупора понеслось:

„Сколько муки, сколько неги ты, любовь, не сешь с собою“...

Бен-Гали.

Ближние

ИЗОБРАЖЕННЫЕ здесь деятели достаточно известны всем далеко за пределами журнала. Все эти люди в свое время ходили в козырях, но в настоящий момент „иных уж нет, а те — далече, — как Сади некогда сказал“ (А. Пушкин).

Начнем с червей.

Король (сверху) — генерал Деникин. Он известен главным образом белой лошадей. На этой лошади он не в'ехал в Москву, и колокольный звон, как известно, тоже не состоялся по независящим от генерала причинам.

Король (снизу) — Юденич. Тоже генерал. Он мечтал уже не о белой лошади, а о Красной Горке. Но Красная Горка оказалась слишком крутой для белого генерала.

Дама (сверху) — адмирал Колчак. Махнув рукой на море, он двинулся на сушу. Но оказалось, что и на суше можно потерпеть аварию. Памятника в Омске он себе не заработал.

Дама (снизу) — Врангель. Выгодно отличался от предыдущих генералов явно выраженным баронским видом и немецким проносом. Но своих действий в Крыму он не согласовал с Главкрупром, и полуостров был ему явно противопоказан Красной армией.

Валет (сверху) — Керенский. Был похож на чиновника особых поручений Ивана Александровича Хлестакова, на основании чего управлял министерством при Временном

правительстве. Сейчас гастролирует на сценах парижских кабаков, но сборы неважные.

Валет (снизу) — Миллюков. Вошел в историю под кличкой „Дарданельского“. Впрочем, Олега щиза ему не удалось прибить к воротам Царьграда. И теперь редакция „Последних новостей“, после ряда бурных заседаний, решила временно уступить Дарданеллы Турции.

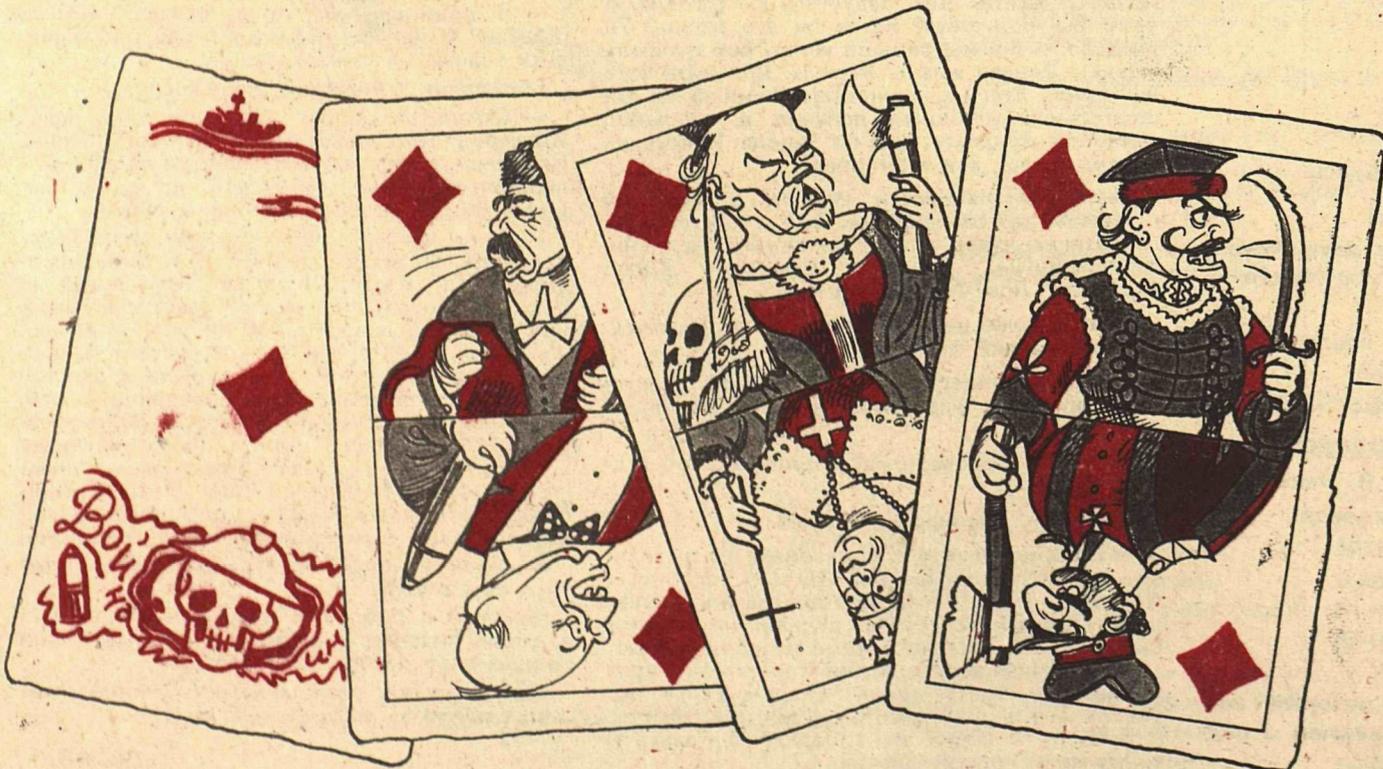
На бубны, как и на черви, старик Капитал в свое время просадил большие деньги. Но известна поговорка: „Славны бубны за горами“. У нас же они заслужили печальную славу.

Король (сверху) — Клемансо. Умер лишь недавно, в чем его основная ошибка. Нельзя было затягивать такого дела. Был прозван тигром, чем весьма были обижены одноименные звери.

Король (снизу) — Черчилль. Лидер твердолобых. Не раз пытался медным лбом вредить Советскому союзу. Союз остался на месте, чего нельзя сказать о мозгах лорда Черчилля.

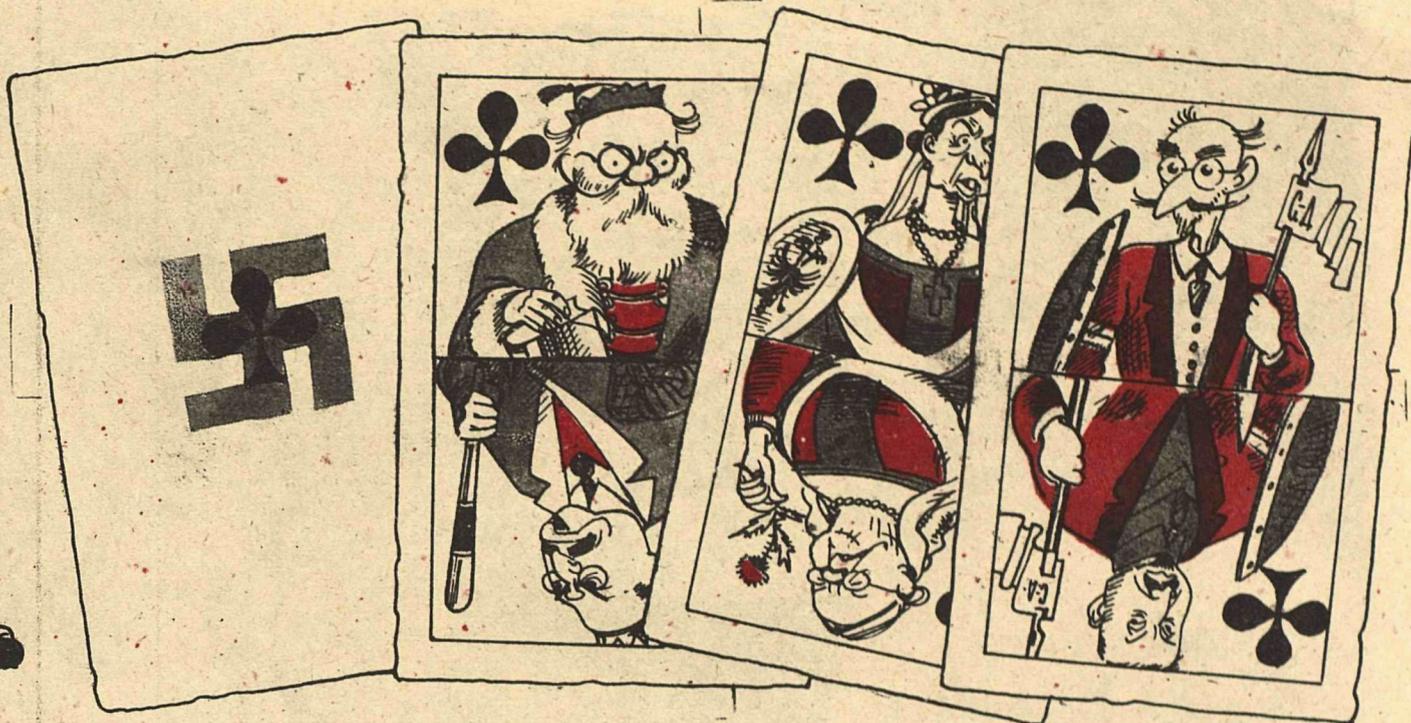
Дама (сверху) — Пуанкаре. Известен как автор одной могилы неизвестного солдата в Париже и миллионов солдатских могил по всей Европе почему мировой войне присвоено его имя.

Дама (снизу) — Папа. Обратная сторона дамы сверху. Всегда стоит за мир и поэтому проповедует войну против

ПОЗДНЯЯ осень. С деревьев жестким дыханьем в окно. В комнате пахнет аптекой. Скорчившись, в кресле сидит э. Хищную маску лица обточили б. В ноги вступил паралич неотвр. Но крючконосый шакал, отжив. Желтой, костлявой рукой держи. Карты крапленые! Все до одной. Крупные ставки на вас ставил. Бешено прыгали вы по зелены. В клетке рубашек впитав слезы. В долгой азартной игре истрепа. Стерлись мечи королей, выцвел. Взгляд игрока потускнел, и нар. Крап не помог отыграть прежн. Нынче из старых фигур составл. Хочет старик увидеть будущий. Но не выходит пасьянс, и уныл. Лишь огорченья сулят, падая н. В комнате пахнет аптекой и при. Ветер свистит за окном, мыши с. Склянки с лекарствами там бесп. Скорчившись, в кресле сидит др.

КОЛТЫ

Советского союза. Но объявить ее сейчас не может. Его армия в составе 4 человек больна насморком.

Валет (сверху) — Пан Заглоба. Обожает границы 1772 года. Занят поисками подходящего моря, для чего публикует объявление: „Меняю два озера и четыре ручья на одно приличное море. Возможны варианты“.

Валет (снизу) — Румын. Всегда чувствует себя по отношению к СССР именинником, при чем в подарок сам себе преподнес Бессарабию.

Трефи — масть скверная, не черная, а скорее желтая.

Король (сверху) — Каутский. Наперекор всем фактам не верит в строительство социализма в СССР. За такую стойкость взглядов получил от хозяев титул „почетного социалака“. Когда-то в молодости грешил марксизмом, но давно раскаялся.

Король (снизу) — Вандервельде. Министр-социалист. Его очень любит бельгийский король и даже понемногу увлекается его идеалами. По уставу короли имеют право быть членами партии Вандервельде. Вандервельде прав. Если может быть королевский социалист, то почему бы не быть социалистическому королю?

Дамы — Кускова (сверху) и Брешко-Брешковская (снизу). Из-за отсутствия хорошей богадельни для престарелых бело-

эмигрантов до сих пор занимаются политикой. Брызжут ядовитой слюной на Советский союз. Работают поденно и аккордно, с литра.

Валеты — Абрамович (сверху) и Дан (снизу). Орлы меньшевизма. Пятнадцать лет подсчитывают ошибки и промахи большевиков и предсказывают близкий конец СССР. В последние годы эти пророчества не приносят доходов. Приходится жить исключительно на доходы от подготовки интервенции СССР.

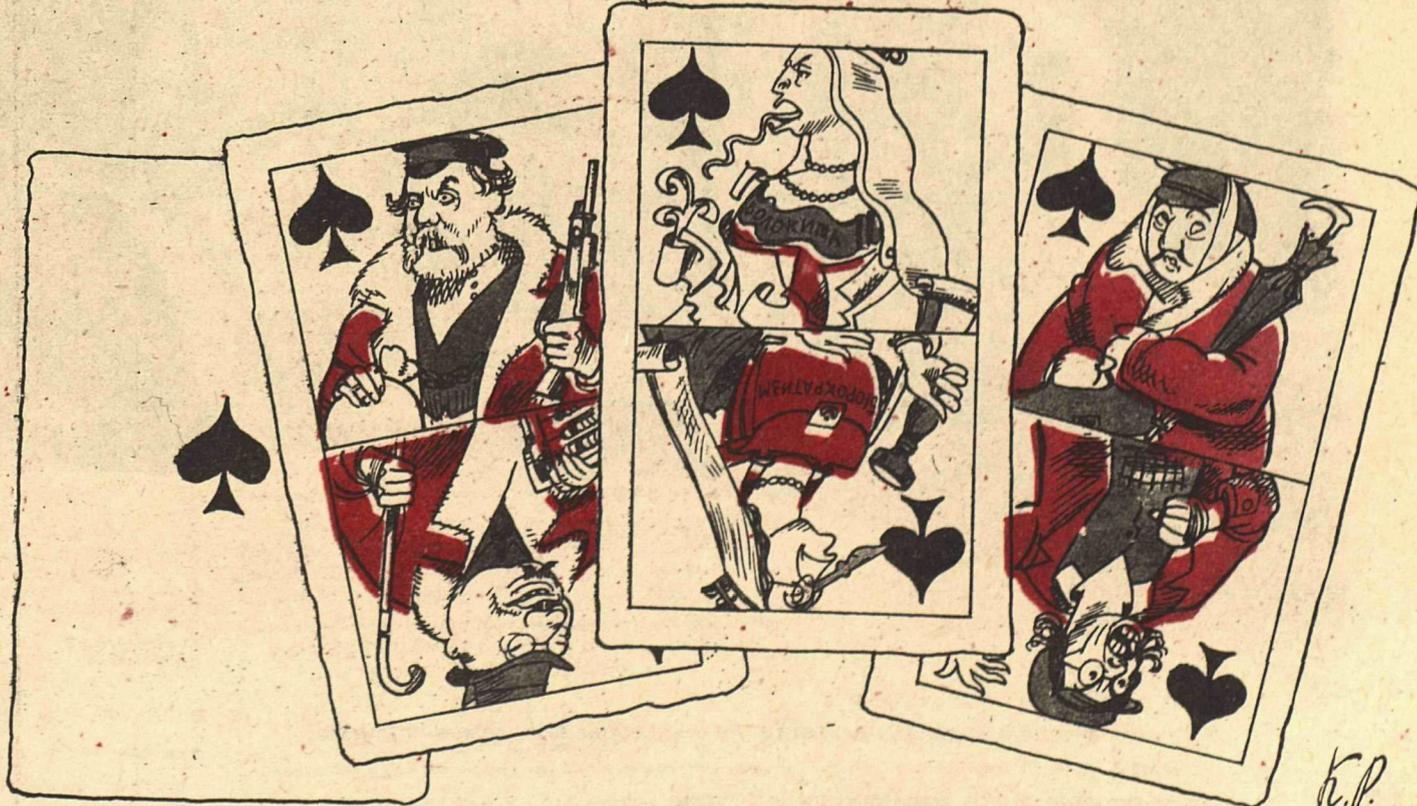
Пиковый король (сверху) — Кулак. Не оправдал надежд правых оппортунистов и не врос в социализм. Впрочем, оппортунисты продолжают на него рассчитывать и поэтому неизбежно врастают в кулака. Если гора не идет к Магомету, — Магомет идет к горе.

Король (снизу) — Спекулянт-перекупщик. Его уже начали узнавать на колхозных базарах. Рекомендуем читателям опознавательный знак — все вдвое дороже.

Дамы — Волокита (сверху) и Бюрократизм (снизу). Родные сестры. Несмотря на тяжелый характер, отлично уживаются под одной крышей.

Валеты — Обломов (сверху) и „Драп“ (снизу). Двухлая фигура старого быта. Взаимно помогают друг другу: пока существуют Обломовы, — „арапам“ под их крылышком большой простор.

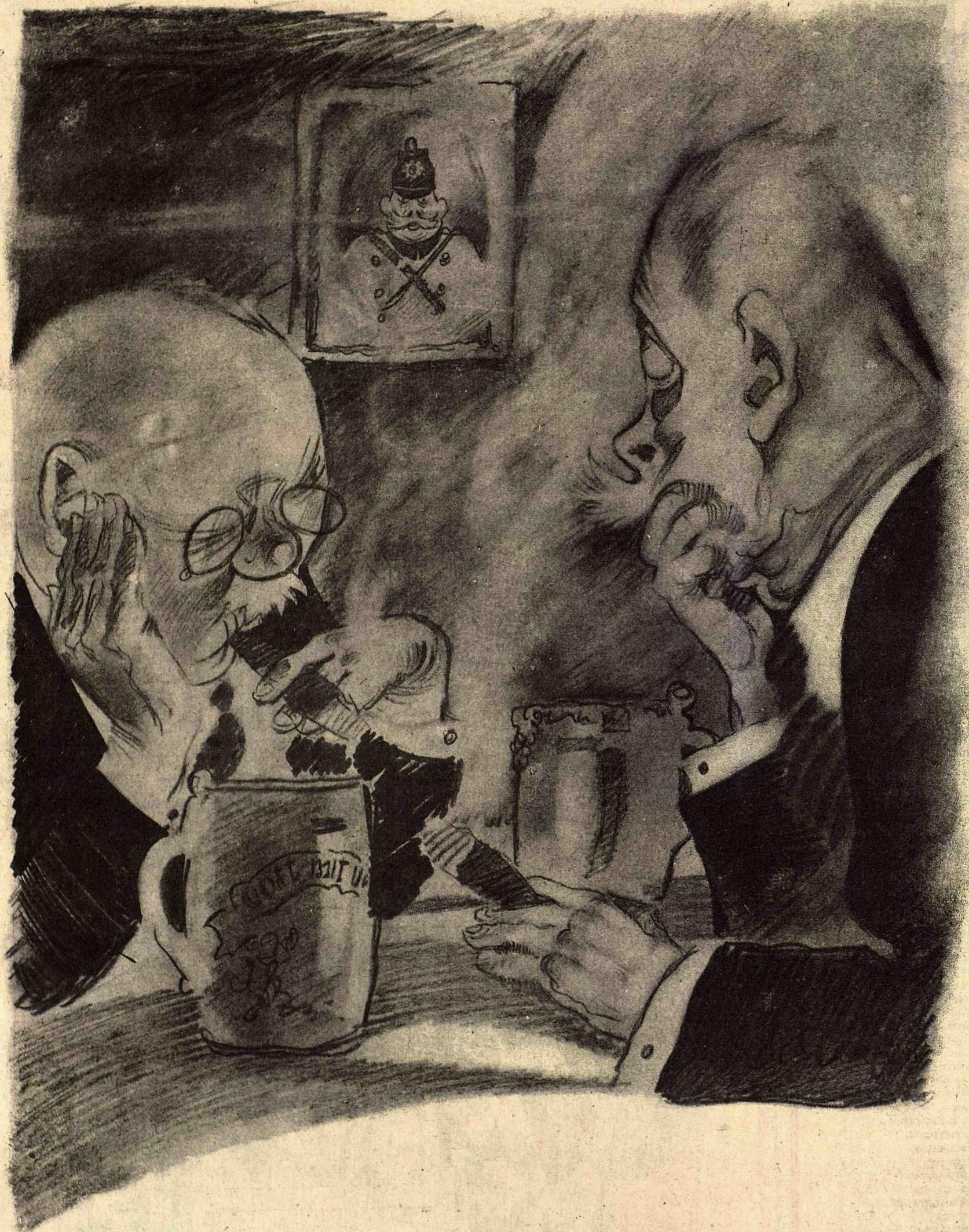
последние падают листья.
дует суровый ноябрь...
и приторным запахом тленья.
добный и дряхлый старик,
болезни и время,
атимым свинцом,
ающий, старый стервятник,
тятся цепко за жизнь...
й старику вы знакомы.
когда-то старик.
м полям дипломатий,
, проклятья и кровь.
алась изрядно колода:
и венчики дам.
ядные карты пожули.
ую силу и власть.
я упорно пасьянсы,
крупный успех.
ые, старые карты
а пол из рук.
иторным запахом тленья.
ребутся в шкапу.
олезной стоят батареей.
яхлый старик — Капитал.

К.Р.

ВСЕ В ПРОШЛОМ
(Посвящается германским социал-фашистам)

М. Храпковский

- Впервые в этом году я не выйду на октябрьскую демонстрацию.
- Почему?
- Потому что меня уволили из полиции.

ДВЕНАДЦАТЬ АФИШ

В. Пророков

ТАКИЕ вещи случаются только в провинции. В бывшем губернском городе — ныне районный центр — я познакомился с неистовым поклонником театрального искусства, который, будучи от рождения заикой, не мог утешить свою страсть даже работой суфлера: известно ведь — суфлерская будка почти всегда скрывает от глаз зрителя несостоявшихся Мочаловых и Сальвини.

Узнав, что перу моему принадлежит несколько пьес, он затащил меня к себе домой и продемонстрировал необычайную коллекцию. Это была коллекция афиш местного городского театра за последние 16 лет. Трудно себе представить, сколько настойчивости и терпения нужно было проявить, чтобы собрать все эти вороха бумаги.

Сперва я перебирал разноцветные и начинающие приходить в ветхость листы исключительно из учтивости. Но вот мне попала в руки афиша, датированная 25 октября 1916 года. Меня заинтересовало: что же было в городском театре ровно за год до Октябрьской революции?..

На розовом листе безвкусицей, причудливыми шрифтами набрано следующее:

Городской театр
25 октября представляется будет
драма в 4-х актах
РЕВНОСТЬ
соч. М. А. Арцыбашева
По ходу действия во 2-м антракте озвучиваются разнохарактерный диалог при участии господ: Кенарской, Пяльцевой, Леони Гук, Стаси Псыгацкой, Жени Мотылек, Инны Круазо, Свободной, сестры Ляруж и господ: Корейко, Троицкого, Лялича, негра Атанаса, Франкарди и др.
Хорь цыгань из ресторана „Бристоль“ В. Т. Хахунова. Начало в 8 час.
Буфет с подачей спиртных напитков В. Т. Хахунова.

Все ясно. И сестры Ляруж понятны, и негр Атанас — тоже, очевидно, из „Бристоля“ — и сам господин В. Т. Хахунов. Посмотрим, что было через год, в самый день революции.

В поименном Городского Театра 25-го октября губернский комитет партии социал-демократов-революционеров устраивает
МИТИНГ
товарищ Сидоров-Мятежный сделает доклад на тему:
РОДИНА, ВОЙНА и РЕВОЛЮЦИЯ
Начало в 7 часов.

Отстали от Питера, здорово отстали. Впрочем, неизвестно, как прошел этот митинг и сумел ли докладчик рассказать свои мысли о родине и войне. А через год? В 18-м году?

Городской Театр
7 ноября состоится расширенный
ПЛЕNUM
Городского Совета Рабочих и Красногвардейских Депутатов совместно с представителями предприятий, посвященный
Годовщине Октябрьской Революции
Начало в 8 час. вечера.

Ну, вот и догнали: новый стиль календаря, язык революции, годовщина... Позвольте, но почему в следующей афише — 19-го года — снова меняется календарная дата. Почему опять старый стиль? Почему старая орфография?..

Городской Театр
25 октября
спектакли оперетты под управлением
А. С. Алени-Мирского
НУПСИКЪ
веселая оперетта в 3-х актах
НОРЕ НАССА
СМЪХА! МУЗЫКА
Забавные куплеты с рефреном: „Отдайте все товарищам!“ исполнит г-н Корейко.
Популярный романс „Марш вперед, труба вперед!“, посвященный Дроздовскому полку, исполнит г-н Аляч.
Хорь 30 человек. Буфет 30 человек.
После спектакля в фойе театра набара со стейками. Бой конфетти. Бой серпантин. Буфет под наблюдением В. Т. Хахунова.
Г-да георгиевские кавалеры и их дамы платят половину стоимости билета.

Господа георгиевские кавалеры, Дроздовский полк, куплеты о „товарищах“. Опять все ясно. А через год? Ну, конечно, господа георгиевские кавалеры давно уже в Черном море.

Городской Театр имени т. Луначарского
7-го ноября
ТКАЧ
драма Г. Гаутмана
на жизни немецких рабочих
Билеты распределяются по организации
через ГОПО

Дальше. 1921 год.

Городской Театр имени т. Луначарского
7 ноября артистическими силами труппы ГУБОНО будет исполнено:
КАНЦЛЕР и СЛЕСАРЬ
соч. Народного Комиссара по Просвещению
А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
В батальных оценках за кулисами участвуют части Красной армии

Дальше: 22-й год. НЭП.

Городской Театр
7 ноября
ХОРОШО СНИТЫЙ ФРАК
комедия-фарс
Дирекция
А. С. Алени-Мирского
Буфет
В. Т. Хахунова

24-й год. Появилась пьеса не только советской ориентации, но и взятая из советской жизни

Городской Театр имени т. Луначарского
7 ноября
ВОЗДУШНЫЙ ПИРОГ
Действие происходит в изповской Москве.
Участвует вся труппа
Начало в 7 1/2 час.

26-й год. В город докатились с некоторым опозданием (4 года) изобретения левых театров. Советский репертуар растет.

Городской Театр имени Луначарского
7 ноября
МАНДАТ
комедия Н. Эрмана
Вещественное оформление (конструкции) художника Мариуштейна. Автор спектакля режиссер-постановщик К. Шлагбаум

27-й год. Десятилетие революции.

Городской Театр имени т. Луначарского
7 ноября
БРЕНЕПОЕЗД 1400
Билеты распределяются через ГОПО

Еще два года. 1929 г.

Городской Театр имени т. Луначарского
Драматический Театр УЗП
7 ноября
ИНЖЕНЕР МЕРЦ
пьеса в 4-х актах
соч. Л. Никулина

Проблема советской интеллигенции. Очень хорошо. Где теперь господа Алени-Мирский, Лялич, Корейко и маститый руководитель буфетов В. Т. Хахунов? Время идет. 1931 год.

Городской Театр имени Луначарского
2-й драматический Театр Облне
7 ноября
ХЛЕБ
пьеса В. Киршона

В коллекции моего знакомого еще нет афиш от 7 ноября 1932 года.

— Люблю танцевать под музыку из Парижа...
— В Румынии ты был бы министром.

СЛОВО СОСЕДА

РАСХОДИЛИСЬ десять раз — не меньше.
Ссорились, как лютые враги...
Есть у нас еще не мало женщин —
Верных слуг горшка и кочерги.

Ты толкуешь: „Мы теперь окрепли,
Наша стройка удивляет свет“, —
А жена рассылет сотню реплик
На твою политику в ответ.

„Разве дело, разве дело это —
Исковеркать, изломать всю жизнь?..
Старый хрыч, безбожник ты отпетый,
Да на что мне твой „сцициализм“...“

Чтобы вырвать ржавые корни,
Я полжизни б, кажется, отдал..
Зачастую такие пренья
Выливались в форменный скандал.

Напоследок бросишь „чорта в стуле“,
Проклянешь дурацкую брехню
И пойдешь, под холодом сутулясь,
У партийца-друга отдохнуть.

Ты не смейся... Это — битва тоже,
Трудная, суровая борьба..
Будь бы я, к примеру, помоложе,
Не сдержала бы своя изба.

Шесть десятков за плечами виснет,
Злая хворь лупцует, точно плеть,
Но и с этим на дорогу жизни
Не могу по-старому смотреть!..

В. Ардов.

(Ив. Вознесенск).

А. Благов.

— Господи Иисусе, батюшку-то узнаю, но церковь до чего изменилась!..

РАЗГОВОР У ПОДЪЕЗДА

В МЯГКОЙ теплоте парижских сумерек разноцветными брызгами зажглась световая вывеска ресторанчика „Жан-Царевич“. Маленький человечек, в высоко вздернутых серых брюках в клеточку, в широкополой шляпе и в пенсне на черном шнурке, быстро перешел дорогу и в нерешительности остановился около входа. Из приоткрытой двери высунулась солидная голова с пушистыми бакенбардами и, наклонив швейцарскую фуражку с золотыми галунами, степенно осведомилась:

— К нам откушать, господин присяжный поверенный?

— Да уж не знаю, Степан Васильевич, — помялся человек в серых брюках, — надо бы к Пантюхиным сбегать... Новости есть... Московскую газету раздобыл. Ой, плохо там, Степан Васильевич, ой, плохо...

— Плохо? — солидно улыбнулся и подмигнул швейцар. — Это уж будьте покойны. Лучше не будет.

— И не будет, — оживился человек в серых брюках — Вот вам голый факт из их же газет: „В Москве нет помидоров“. Господи... Москва, столица России... Царь-пушка, царь-колокол, пятнадцать лет революции — и ни одного помидора... Говорят, здесь кризис... Кризис! Прохожу я сегодня мимо одного магазина, остановился на полчасика даже нарочно — ананасы стоят, бананы висят, лимоны лежат...

— Лимончик к венскому шницелю хорош, — задумчиво произнес швейцар, — сок интересный даже... У нас сегодня шницельки великолепные. Может, зайдете, откушаете, господин присяжный поверенный?

— Ах, здесь шницеля, а там что? — горько усмехнулся человек в серых брюках и нерешительно спросил: — А почему шницелек?

— Венские, что ж: четыре франка. Как полагается.

— Дорого, — вздохнули серые брюки. — Да я уж подзакусил на бульваре. Чудесные груши. С сухариком прямо объедение. Да что там еда, Степан Васильевич... Не одним животом сыт че-

ловек. Возьмите домашний уют — культуру человека. Как там живут?.. Семейное гнездо в ванне, извините, либо в коридоре... Это жизнь? Здесь я имею чистую комнату, шторы, ковер по лестнице...

— На какой рю проживаете?

— На той рю, которая сначала прямо за мостом, а потом налево... Недалеко от города. Вместе с доктором Климчуком. Теперь отдельно живем. Хозяйка — мещанка. Привязалась, что жили вдвоем и не уплатили за четыре месяца. Кричит, шумит, действует на нервы, у Климчука вещи спрятала, мои на лестницу вынесла... Типичная французская навязчивость. Вчера Климчук на бульваре ночевал. А так, вообще, — уютно. Шторы, ковры на лестнице...

— С бульваров полицейские гонят, — зевнув, ответил швейцар, — как в Константинополе. Слабая нация турки, малосознательные, а научили французы...

— Там они-то вежливо, Степан Васильевич... Не чувствуется этого грубого давления государства на человека, как там, в Москве... Все-таки здесь парламентаризм, всеобщее избирательное... С одной лавки сгонят, на другую перейти можно. Нет такого отрыва власти от населения, как там. У меня есть один полицейский знакомый, — мы с ним, как братья. И папиросы берет и деньги иногда даже... И никакой застенчивости. Чувствует все-таки, что с дворянином имеет дело. По утрам только больно дерется, — так это, может быть, спросонья так чувствуется. Чисто психологическое явление. Мало ли что утром было, а к вечеру уже свободным гражданином себя чувствуешь... Это вам не Москва, где профессора каким-то еще там белым углем занимают...

— Грузят?

— Надо полагать. Ежедневно. Это с университетским-то образованием углем заниматься... Революция! Социализм! А уголь грузи, хоть и белый. Это же понимать надо, что такое уголь... Одной одежды сколько на нем истреплешь. Грузю я третьего дня на товарной станции, а у меня куст за левую штанину зацепился, — и кон-

чено... Половина на одну сторону, половина на другую. Ушел чинить, а один штабс-капитан за меня плату получил и смылся... А еще кавалерист! И после этого меня хотят уверить, что социализм будет...

— Не будет, — солидно сказал швейцар, кланяясь двум выпившим морякам в английской форме. — Битте, битте, спик-ю-энглиш, каманхиер, шапочки, пожалуйста, и зонтички... Вот сюда-с... — И, проводив почтительным поклоном посетителей, сочувственно кинул человечку в серых брюках: — Плохо значит там, господин присяжный поверенный?

— Ой, плохо, ой, плохо, — вздохнул тот, втянув носом жирный запах, вылетевший снизу, из кухонного окна. — Пойду к Пантюхиным... Надо поделиться со своими людьми...

И в мягких теплых сумерках рассосалась маленькая серенькая фигурка. У подъезда с шипением застопорил такси, и грузный человек, высунувшись из-за дверей и тупо икнув, спросил, отчеканивая слова:

— Русски кабак? Вуодка и дьевка есть?

А. Бухов.

ТЯЖЕЛЫЙ СЛУЧАЙ

Мой друг — поэт,
Вчера зашел к нему я
И праздник свой испортил зря:
Пятнадцать лет
Он кормится, рифмуя —
„Царя“, „заря“ и „Октябрь“.

Век.

А. Топиков

— ЗА МНОЙ!

— ЗА МНОЙ!..

ЛЮБВИ все возрасты покорны, независимо от профессии. Неоспоримость этого положения повар фабрики-кухни Руслан Селедченко испытал на себе.

Руслан влюбился.

На его любви можно было бы изжарить целого барана. Она жгла, как раскаленная плита.

Предмет его обожания Людмила Лебедева была вполне достойна такой любви. Она была нежна, как утренняя заря, свежа, как весенняя ночь, но недостижима, как звание профессора кулинарии.

С первой же встречи между ними встала стена недоговоренности. Людмилочка сказала, что она певица, что голос у нее меццо-сопрано и поет она в театре „Культкомбайн“.

Руслану стало стыдно своей профессии, и он неуверенно соврал: — А я... я, между прочим, работаю на сталелитейном заводе!

Бессонной ночью, ворочаясь в постели, Руслан обещал себе, что в ближайшую же встречу он все разъяснит Людмилочке.

— Ну, и что ж, что у нее голос этот, как его... меццо-тинто. Если она меня любит, то полюбит и повара. А если нет, то нечего с ней и волыниться!

Но встречаясь с Людмилочкой, Руслан забывал свои обещания, и стена недоговоренности между ними росла, ширилась.

— Скажи, — спрашивала Людмилочка, — как делают стихами сталь?

Руслан и вообще-то не знал, как делается сталь, не говоря уже об изготовлении ее стихами, но тем не менее пускался в путанные объяснения.

— Вот, значит, Милочка... Кладут в ковши...это... маринованную руду. Все рифмуется, а рядом... значит, стоит Безыменский и декламирует...

Шли дни. Приближалась Октябрьская годовщина. Руслан как лучший ударник был премирован поездкой на Днепрострой. Он хотел поделиться своей радостью с Людмилочкой, но не мог. Пришлось снова соврать.

— Я еду, — сказал он ей, — в Донбасс на рифмозаготовки. Сама знаешь, без них стали не сделаешь.

— Какое совпадение, — воскликнула Людмилочка. — Я тоже уезжаю на время октябрьских торжеств в турне со своим театром.

И они расстались.

* * *

Весь обратный путь Руслан Селедченко думал о том, что пора прекратить эту глупую комедию. Мысль о том, что надо признаться, не покидала его до самой встречи.

Но уличный свет не располагал к признанию. Руслан решил, что самое подходящее место для таких признаний темный зрительный зал кино.

Сеанс начинался с показа кинохроники. Мутно-серебряный экран бросил в темноту зрительного зала лозунг:

„Труд — дело чести, доблести и славы“.

Руслан открыл уже рот для признаний, но за него признался экран. Впереди группы ударников общественного питания, премированных поездкой на Днепрострой, стоял он — повар Селедченко.

Сердце Руслана учащенно забилося.

Все кончено. Людмилочка потеряна.

Однако это не было концом. Это было только начало.

Ударников общественного питания сменили ударницы опытно-показательных детских яслей.

Впереди них с сияющим младенцем на руках стояла сияющая лжепевица с голосом меццо-тинто — его недостижимая Людмилочка. Стена недоговоренности рухнула без слов.

Впервые Руслан и Людмила шли домой, как живые и близкие друг другу люди.

Людмилочка, забыв о своем „Культкомбайне“, говорила о правильном уходе за грудными детьми, а Руслан, не вдаваясь в технологический процесс изготовления стали стихами, восторженно объяснял рецепт приготовления классического шницеля в сухарях.

Д. Атлас и А. Бочаров.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛОХАНКА

ХЛЕБНЫЙ ЛИРИК

Перед нами — растрепанный блокнот одного хлебозаготовителя — лирика со ст. Великое (Сев. Кавказ) М. Бочко. Лирик этот прошел огни и воды и во многих местах побывал; в Майкопе, в Луговой, в Белореческой. Всюду он заготавливал хлеб и стихи, стихи и хлеб. Перелистывая блокнот заготовителя и работника в деревне, находим такие стихи:

„Так спой же ты, моя орлица,
Хоть что-нибудь из оперы „Тоска“.
Но только погустнее,
Чтоб мог под звуки песни я
Заснуть, моя ослица“.

Это — лирика, а тут же:

„Беднячка Фекла. Хлеб заготов.
7 пуд. Сиворникова займ взяла
2—5“.

Как видно, Бочко умел увязывать заготовки с лирой и музой. То и другое производилось им одновременно. Вот его напевы:

„Поэт и лиру нюхал,
И музу на нос одевал“...

Возможно, на нос вы ее и одедали, но вот в стихах ваших ею и не пахнет.

Тут же „сатирические“ стихи уравновешиваются цифрами о заготовках:

„Заготовлено: свекла 15 га пром.
картофель 20 пром.“.

На другой странице.

„Из глаз героини
Скатилась слеза“.

И не удивительно: такими стихами не одну слезу выжмешь. Дальше идет любовная лирика:

„Хоть любить ты меня не любила
И сейчас ты не любишь меня,
Называй же меня дуралеем...“
(Во всяких названиях есть доля правды).

Тут же находим выписку из „священной книги“, сделанную, вероятно, по существу: „Кто сотворит бзд со снохою, тот наказывается“. Сбоку приписка: („3 года“).

Потом: „Сяли верхом: Черников, Фролин“.

И наконец — конец:

„Уснула песнь моя на камне“...

Хорошо, если б она взаправду „уснула“, но, увы: сама не спит и другим спать не дает.

Е. К.

«ЭТО ЖЕ НЕ ПРИХОТЫ!»

ВО ВСЕЙ этой обыкновенной истории необыкновенным и даже необъяснимым навеки останется только один момент: каким способом Бенедикт Андреевич Твердый получил командировку в Магнитогорск от такого серьезного учреждения?

Получив на руки эту командировку, товарищ Твердый начал собираться. Сборы были плановые: он призывал к себе соседнюю домработницу, вручал ей вторые пары брюк, носков, кальсон, пиджаки, жилеты, носовые платки, ботинки, на все назначал «сходную» цену и декларировал:

— Остальное вам. А эти деньги мне необходимы. Поймите, — это же не прихоть.

— Почему ты так мало везешь с собою? — спросил сослуживец, ожидающий поезд на Косино. — Мало ли что может потребоваться? Надо было бы...

Твердый его твердо остановил: — Пойми, — это же не прихоть! Я еду не на пикник, а на новостройку. Хорошо бы я выглядел, явившись туда, где люди проливают пот, драгоценный, как кровь, — хорош бы я был, повторяю, явившись туда со всеми бебехами.

Пропылив длинными ногами по магнитогорским дорогам, товарищ Твердый пешком прибыл в центральную гостиницу и, пред'явив удостоверение, сказал:

— Дайте комнату с телефоном.

Комнат свободных не было. Увесив товарища Твердого всеми извинениями, ему предоставили вторую койку в занятой уже комнате. Правда, телефон был. И Твердый сразу доказал, что для него телефон не прихоть: он опросил всех абонентов про их сослуживцев: где кто работал после революции, где — после гражданской войны и чем заведует сейчас? Нагрузившись этими полезными в общепитии сведениями, Твердый положил трубку и взял в работу ноги.

— Послушай, — сказал он, придя к управделу тов. Ерасову, — ты, конечно, можешь и не помнить, как мы с тобою в Екатеринославе в 19 году, — это твое дело. Но вот мое удостоверение. Пойми, — мне необходима для раз'ездов лошадь! Это же не прихоть...

Товарищ Ерасов смущенно подтвердил, что, действительно, как будто видел в Екатеринославе Твердого, но только у него была другая фамилия и сам он был маленький и белобрысый, а сейчас рыжий верзила. Но лошадь, считаясь с удостоверением и с тем, что это не прихоть, он, Ерасов, дает сейчас же и на-восье.

Отсюда Твердый двинулся к Дехтярю:

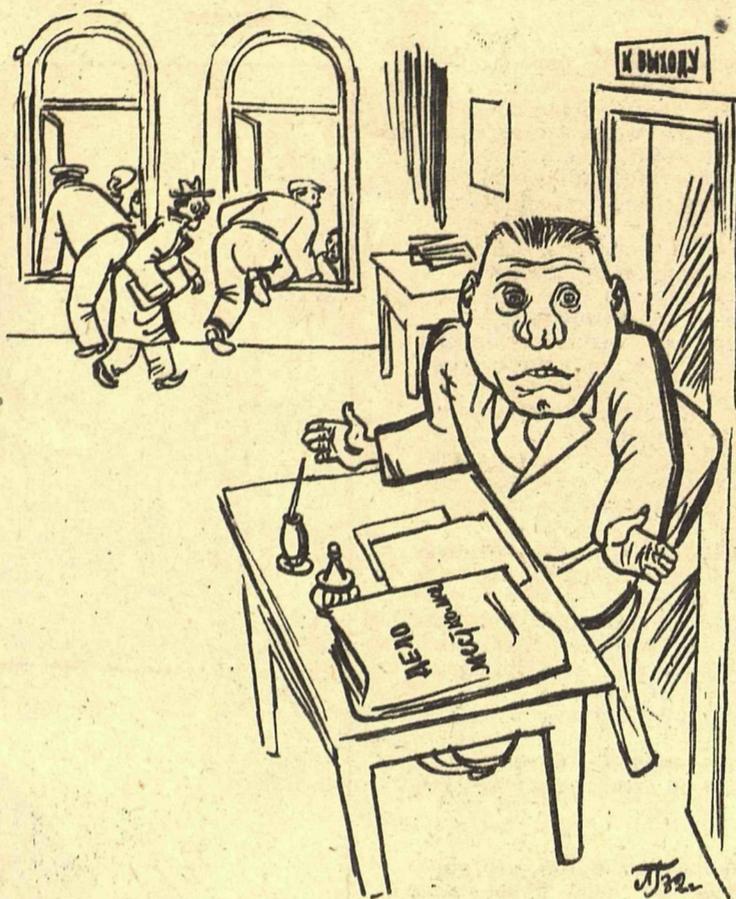
— Слушай, Дехтярь! Ты помнишь, как мы с тобою в Екатеринославе? Я — Твердый.

Руки к груди Твердый прижал с такой жуткой убедительностью, что Дехтярь вздохнул, плюнул и написал записку о предоставлении Твердому семейного номера.

ПРОФЗАПРУДА

В тресте Уралтоль предместником Пронский изобрел новый способ для того, чтобы обеспечить кворум собраний.

Л. Генч

ПРОНСКИЙ: — Ничего не понимаю: кажется, уж у всех нахомустроился, а все говорят, что мне с массой не по дороге.

Обладатель номера и лошади двинулся к товарищу Абанину, заведующему горснабом.

— Слушай, Абанин! Ты можешь не помнить, как мы с тобою в 19 году в Екатеринбург... Но я к тебе не для воспоминаний. Мне нужно прикрепление к горкомовскому распределителю, пальто деми, ящик печенья, ящик конфет... Это же не прихоть, — у меня массовая работа, пойми...

Отчаяние Абанина не подверглось описанию только потому, что он уподобился Дехтярю и быстро сдался, выполнив все «не-прихоти» Твердого.

После этого Твердый на практике стал доказывать, что все его просьбы были вызваны действительно не прихотью. Тщетно лошадка пыталась отказываться от передвижения под тяжестью кулков, ящиков и свертков, тщетно кучер Иван доказывал, что Уралторг плюс все магазины МЦРК не влезут в один семейный номер. — Твердый был тверд: становилась лошадка, — он нес покупки на спине. Кричал номер, что он не резиновый. — Твердый уминал закупки и создавал места для новых погрузок.

Завмаги всего Магнитогорска были зачарованы командировочным

удостоверением Твердого и выполняли все его «не-прихоти», как из пушки. Семейный номер трещал по всем стенам. И только когда он окончательно доказал свою нерезиновость, — обитатели Магнитогорска стали свидетелями величественного зрелища: отбывал Твердый. Длиннейшая процессия гужевого и автотранспорта, в данном случае явившегося безусловно не прихотью, была загружена зелеными с черными разводами сундуками, ящиками, корзинами и узлами. Сам Твердый восседал на головной подводе и тревожно оглядывался на обоз, слезами орошая путь сыпавшейся из всех узлов муке, крупе и сахару.

Когда его на вокзале увидел случайно попавший туда товарищ, Твердый не смутился и первый сообщил, заботливо подтыкая под крышку чемодана концы белой материи:

— Вот, везу с собою... Случайно достал здесь полное собрание сочинений Плеханова, в Москве — редкость. Это же не прихоть! Пока!

Как он достал? Я хочу знать, — объясните, товарищи!

Ведь это же не прихоть!

Вл. Павлов.

ЗАВБАЗОЙ ПРОТИВ «МЕЛОЧЕЙ»

На четвертом участке помещается электробаза. Возле нее мрачно передвигаются двадцать товарищей: животы подтянуты, лица сосредоточены, глаза ищут.

— В чем дело, товарищи? Почему у вас вид не ударный?

— Не до виду.

— Как не до виду?

— Очень просто. Мы — курсанты, электромонтеры — высоковольтники. Учимся на электробазе. Наш завбазой выдал нам справки о том, что мы командируемся на практику. Ну, мы, по его же предложению, из тех контор, в которых мы работали, и уволились. Значит, карточек нам новых не выдали, столовую для нас закрыли. Жрать нечего. Практика пока тоже не видим. Мы к завбазой, — так и так — давай практику, давай карточки, давай столовую, — хотим учиться, работать и есть.

— А он что?

— Обиделся. «Как, — говорит, — так? Я добиваюсь того, чтобы у рабочего класса была своя собственная производственно-техническая интеллигенция, а ко мне со всякой ерундой лезут?»

— Ну?

— Вот и все: карточек нет, работы нет, практики нет. Ничего нет.

— Ошибаетесь, товарищи! Есть еще вилы у «Крокодила»!

РИКОШЕТОМ

«ТЯЖЕЛОЕ ВРЕМЯ»

В магазине № 68 торгового района Свердловска не заботятся о доставке продуктов. Зап и его помощники полнотью в магазине.

Не брезгуем объектом узким. Вот что здесь нами обнаружено: На полках нет никакой нагрузки, Зато администрация НАГРУЖЕНА.

ГРЫЗУНЫ

В общежитии областной совпартишколы в Свердловске одиноким курсантам нет места: семейные заняли все койки, а холостых орудили так, что им повернуться негде. В коридорах готовят обед, бегают дети и т. д.

Не общежитие, а трюки, Оригинальнейший «нарпит»: Они грызут гранит науки, А их грызет тяжелый быт!

СВЕРХЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОДБОР

Секретарем ячейки доменного цеха горком ВЛКСМ выдвинул почему-то строителя-плотника, а в комитет комсомола Промстроя — газозвоника.

В старой басне говорится:

«Беда, коль пироги начнет печи сапожник, А сапоги точить пироженник: На лад их дело не пойдет И выйдет из него не дело, только мука»...

Но ведь это относительно ширпотреба и снабжены. А про тяжелую индустрию пока что ничего не сказано. Вот магнитогорский комсомол и пользуется

ПРИКАЗ «КРОКОДИЛА»

по отдельному дивизиону Р.-К. милиции по охране стройпредприятий в Свердловске.

Для успешного завершения соцстройки, в частности по гор. Свердловску, приказываю:

- 1) самокритику в дивизионе не занимать, а полагать налицо;
- 2) не допускать растраты рабочих сил систематическими переработками;
- 3) не прятать рапортов под сунно штабных столов;
- 4) отстранить грязь от барачков, а клопов уволить с сего числа в бессрочный отпуск.

Приказ прочесть рядовому составу, а командному — исполнить.

П. П. инспектор всех частей соцстройки

«КРОКОДИЛ»

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В ПОСЛОВИЦАХ

Уполномоченный еманжельинской конторой Заготзерно пересылает отношение зав. мельницей:

«...Предлагается сдать пшеницу на элеватор в трехдневный срок, в случае недачи дело будет передано в суд в размолотом виде. Кавказец».

Мели, Емеля, твоя неделя.

Спешный пакет, адресованный дирекции Омской дороги, шел из Москвы в Омск 9 дней, а из омской почты до адресата — 10 дней. Хоть далеко, да легко, а близко, да снлизко.

На ст. Алапаевск нет воды для питья проезжих пассажиров. На вопрос последних: «Почему отсутствует вода?», дежурный по станции отвечает: «Речка близко, ступайте и пейте».

Под лежачий камень вода не течет.

ИНТУРИСТЫ НА ДЕМОНСТРАЦИИ В МОСКВЕ

ОНА: — Вероятно, это все безработные?
ОН: — К сожалению, — хозяева.

ВСТРЕЧА СТАРЫХ ДРУЗЕЙ

Дружеский фотошарж Б. Клинка

ЛУГАНСКИЙ СЛЕСАРЬ ВОРОШИЛОВ: — А помнишь, как мы на заводе работали?

НАРКОМВОЕНМОР ВОРОШИЛОВ: — А ты не забыл, как мы брали Перекоп.

ПРОВИНЦИЯ — ПЕРИФЕРИЯ

ИНОЙ фельетонист шаблонно,
Играя цифрами побед,
Кричит в концовке фельетона:
„Провинции в Союзе нет!
Растут герои-человеки,
Не видно старых, серых лиц...
Провинция ушла навеки,
Забившись пульсами столиц!..“
Другой — из рода пессимистов,
Заехавши с разбега в глушь,
У старых карикатуристов
Крадет затрепанную чушь.
Он лик провинции напишет
И кособокий и кривой:
Козел, срывающий афиши,
Свинья на грязной мостовой...
Один — в своих нападках скучен.
Другой — в восторгах утонул.
Один — „ура!“ кричать приучен,
Другой — влюбился в „караул“.
Один скулит: „Везде — отсталость!“
Другой вопит: „Везде Москва!..“
Ах, это все — слова, слова...
Провинция пока осталась,
Она по-новому жива.

„Скажи-ка, дядя, ведь недаром“
Октябрьский прогудел пожар
И стал советским Краснодаром
Былой Екатеринодар?
Не зря вы под свинцовым градом
Царицын брали у врагов,
Не зря зовутся Сталинградом
Ворота волжских берегов? —
Так нас любой мальчонка спросит
Из поколения Октября,
Который имя Кима носит,
И мы ответим: „Нет! Не зря!
Не зря, наследник наш веселый,
Не зря ты Ким, а не Сысой.
Не зря мы города и села
Кропили красною росой.
Они теперь совсем другие,
Чем были прежде. Ты не знал
Провинциальную Россию, —
Ты был тогда еще так мал.
Не помнишь ты глухих окраин,
Где керосин чадил зимой.
Теперь ты ходишь, как хозяин,
По светлой улице прямой.
Смотри, — вот здесь, где ваша школа,
Был дом купца. А там — смотри! —
Где клуб сверкает комсомола, —
Там расстились пустыри.
Вот здесь — охранка и участок
Мешали нам дышать и жить.
Отца сюда таскали часто,
А мать боялась тут ходить.
И было много, очень много
Дверей, калиток и дорог,
Где нас встречали у порога
Штыки, собаки и замок...
Ты не знаком с тоской свинцовой
Забывших сел и деревень,
Где люди гибли бестолково,
Уйдя в попойки, сон и лень.
Ты счастлив, что не знал уездной
России нищих и шпиков,
Разбитой волею железной
Твоих отцов-большевиков.
Недаром, мальчик, нет, недаром
Октябрьский прогудел пожар,
Не зря зовется Краснодаром
Былой Екатеринодар“.

Былой провинции не стало,
Она — далекое „вчера“.
И все ж нам право не пристало
Кричать ненужное „ура“.
И к „караулу“ я не склонен,
Хотя меня не удивишь
Ни лесом старых колоколен
Ни старой глупостью афиш.
Восторг — подобен истерии.
Зачем кричать: „Везде — Москва!“
Огромнейшей периферии
(Былой гнилой, глухой России)
Нужны дела, а не слова.
Растет страна. Совсем не просто
Молниеносно так расти,
И есть у нас болезни роста
И есть преграды на пути.
Но мы, спеша, сдаем в архивы,
Как старый хлам, утильсырье,
Былой провинции тоскливой
Давно изжитое житье.

ПОСЛЕ Октябрьских дней семнадцатого года у Талалуева из движимого имущества осталась одна кукушка.

— Хорошо, что ее не конфисковали, — радовался он. — Куском хлеба обеспечен.

Кукушка имела большую известность у знакомых Талалуева. Она в начале войны на вопрос: «Долго ли воевать будем?» — прокуковала три раза, подумала и тихо добавила неполное: «Ку»...

— Три с половиной! — перевел Талалуев, понимая вещий голос пернатого оракула.

В Феврале кукушка упорно молчала.

— Значит — каюк „временному“, — улыбался Талалуев, показывая рукой на птицу. — Молчит!

Осенью за кукушкой установилась прочная репутация. Война закончилась; Керенский бежал; пришли большевики...

Квартиру Талалуева осаждали знакомые.

— Когда?.. — спрашивали они хозяина.

— Не скоро! — с огорчением махал он рукой.

— А мы слышали от достоверных людей, — через две недели.

— Знают ваши люди. Где им до кукушки!

Шли годы.

Кукушкина слава росла и радовала тщеславие хозяина. Он часто разговаривал наедине с птицей.

— Скажи, ангелочек мой, порадуешь ты меня, скоро ли я вновь открою свое дело?

Кукушка с каждым годом уменьшала числа. В тридцатом она прокуковала один только раз.

— Через год! — потирая руки, говорил Талалуев знакомым. — Ждите.. Вот-то будет юбилей.. Умора..

Наступили октябрьские торжества. По улицам, гремя оркестрами, шли колонны. Талалуев злобно смотрел из окна на демонстрантов.

— Подождите... увидите... Скажи, ангелочек, — обратился он к кукушке, — скоро им конец?.. Скоро?!

Кукушка расправила крылышки, нахохлилась и громко закуковала.

— Пять... десять... сорок... — считал Талалуев. — Да замолчи ты, чортова кукла, — рванулся он к птице.

Кукушка куковала и куковала.

— А, и ты с ними?.. — закричал Талалуев. — Так вот же тебе! Вот! Он сорвал с крючка клетку и выбросил ее в окно.

— Эй, дядя!.. — крикнули ему с улицы. — Зачем птицами швыряетесь?

Талалуев высунулся в окно, растопырил на подоконнике руки, как будто собираясь лететь, и жалобно простонал:

— Ку-ку!..

П. Бурмистров.

ПЕРЕПИСКА С НЕИЗВЕСТНЫМ

Вопрос: — Из каких составных частей состоит баранина?

Ответ: — Из чего придется. Так, например, в местном Центральном научно-исследовательском институте кожевенной промышленности баранина состоит из мяса, жира, костей и одного билета лотереи Осоавиахима, ценой в один рубль. При этом должен добавить, что лотерейный билет так органически связан с бараньей мякотью, что, по распоряжению предместкома, каждый отказавшийся при покупке баранины от билета не получает ничего. Отмечаем этот факт, как щедрое явление в бараньем мире.

Вопрос: — Каковы, по существу, взаимоотношения между врачом и курицей?

Ответ: — В крайнем случае — только дружеские. Официальных дел у них быть не может. Исключением из этого правила является только практика Верхнетроицкого сельсовета (Туймазинский район), которая знает случай посылки сельсоветом врачу ощипанной курицы на предмет исследования: пала она сама, по собственной воле, или ее зарезали. Единственным оправданием такого поступка является то обстоятельство, что когда медицинская помощь потребуется самому предсельсовету, он на этот раз не ошибется и вместо врача сам направится к ветеринару.

Вопрос: — Кого и как следует развозить на машинах в юбилейные дни?

Ответ: — Смотря по тому, на каких машинах. На швейных и самопишущих вообще никого не рекомендуется. На пожарных тоже. Это не касается Сталинграда, где на юбилее пожарной команды 4 строе-

вых автокары повезли гостей за город на пикник и привезли их обратно в пьяном виде. Оправданием здесь служит то, что в данном случае не столько гостей развозили на машинах, сколько их самих развезло после пикника.

К. Р.

ОНА: — Здесь так сыро в саду, пойдём лучше в кино.
ОН: — Но в кино ведь придется картину смотреть.

„КРОКОДИЛЬНИК“

ЧТОБЫ дать широким читательским массам веселое и полезное развлечение, редакция „Крокодила“ организует разнообразные конкурсы находчивости и остроумия под названием „Крокодилы“.

„Крокодилы“ № 1 состоит из десяти вопросов, на которые каждый желающий может давать ответы совершенно бесплатно, заостряя, оттачивая и шлифуя свой ум. Лучшие ответы, присланные в редакцию, будут печататься в журнале. Наиболее остроумные — будут премированы.

Старые остроты, поговорки, меткие и ходячие слова сменяются новыми или приобретают новый смысл. И в арсеналах остроумия идет чистка. В первой серии „Крокодилы“ мы предлагаем читателям вложить новый современный смысл в старые, обветшалые слова и поговорки. Ответы на предлагаемые вопросы могут отражать факты и события местной городской, заводской и деревенской жизни, могут затрагивать вопросы, волнующие всю советскую общественность и, наконец, могут откликаться на международные дела. Словом, простор для выдумки — огромный.

Остряки-одиночки и организованные остряки, объединяйтесь вокруг „Крокодилы“! Наше время — не время для тупиц. А чтобы не быть тупицей, надо уметь быть острым.

Ждем ответов.

СЕРИЯ ПЕРВАЯ

1. У кого душа в пятках?
2. Кто в ус себе не дует?
3. Где толкут воду в ступе?
4. Где живет козел отпущения?
5. Кто небо коптит?
6. Где вилами на воде пишут?
7. Кто любит по зубам мазать?
8. Кто пальцем в небо попал?
9. Кто ищет прошлогоднего снега?
10. Когда уши вянут?

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ || АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, ул. Горького, 8. Телефон 3-70-16. Прием ежедневно с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24, 30 чисел каждого месяца. Подписная цена на журн. „КРОКОДИЛ“ — 60 к. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Иттицкий.

Зав. редакцией И. Абрамский

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 1001 Сдача текста и рисунков — 9/X. Подпись к печати — 19/X. Стафформат А9 — 220x333. Печатных листов 2. Количество знаков 65.000

Уполномоченный Главлита № В — 19233 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Сушевский вал, 49. Зак. № 2595. Тираж 400.000 экз.

3 НОЯ 1932
Г. Ч. В. П.

М. Черемных
39704

— Не открывай ставни, а то, как в прошлом году, нас за чучело примут.